

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

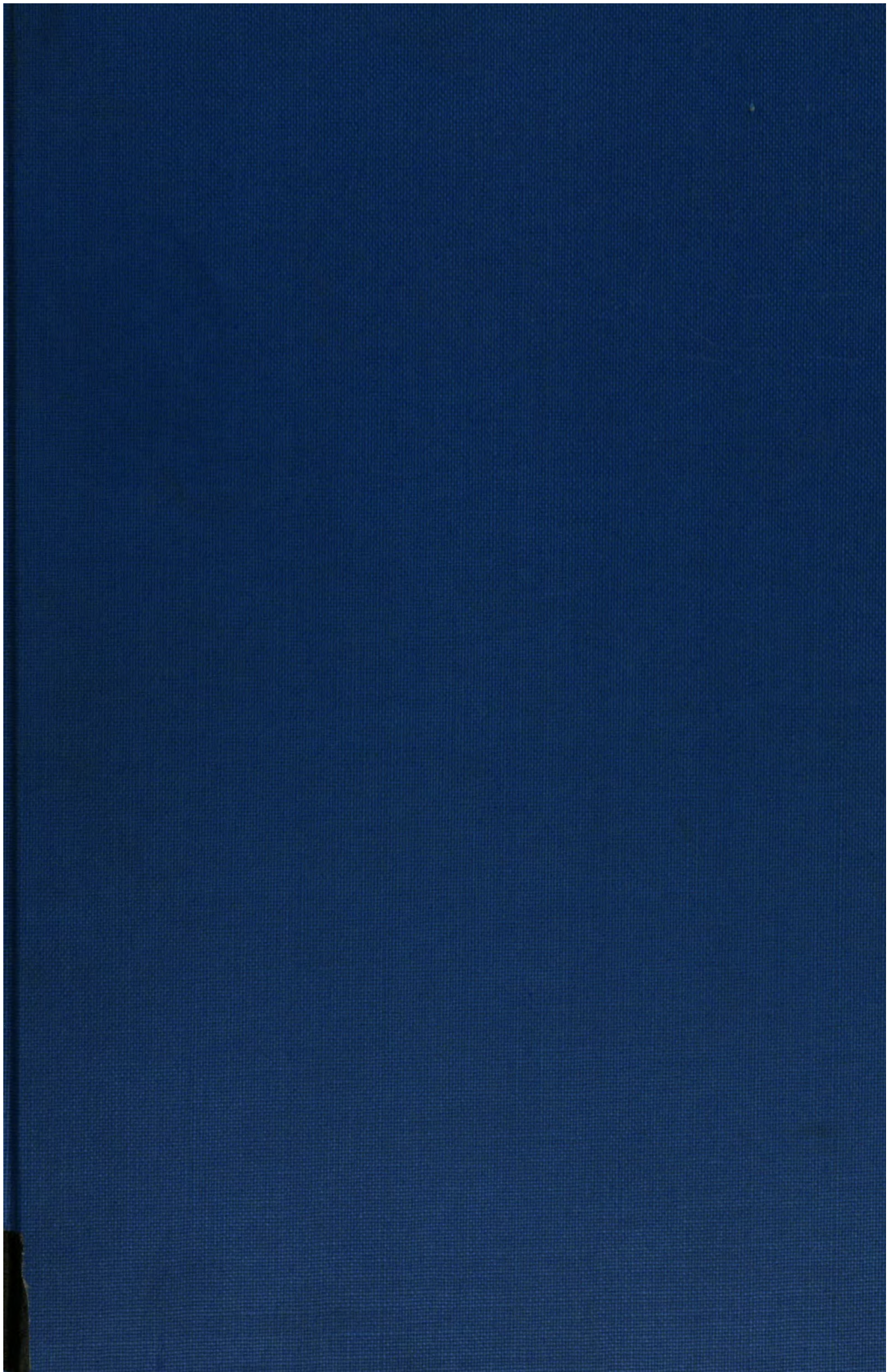
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

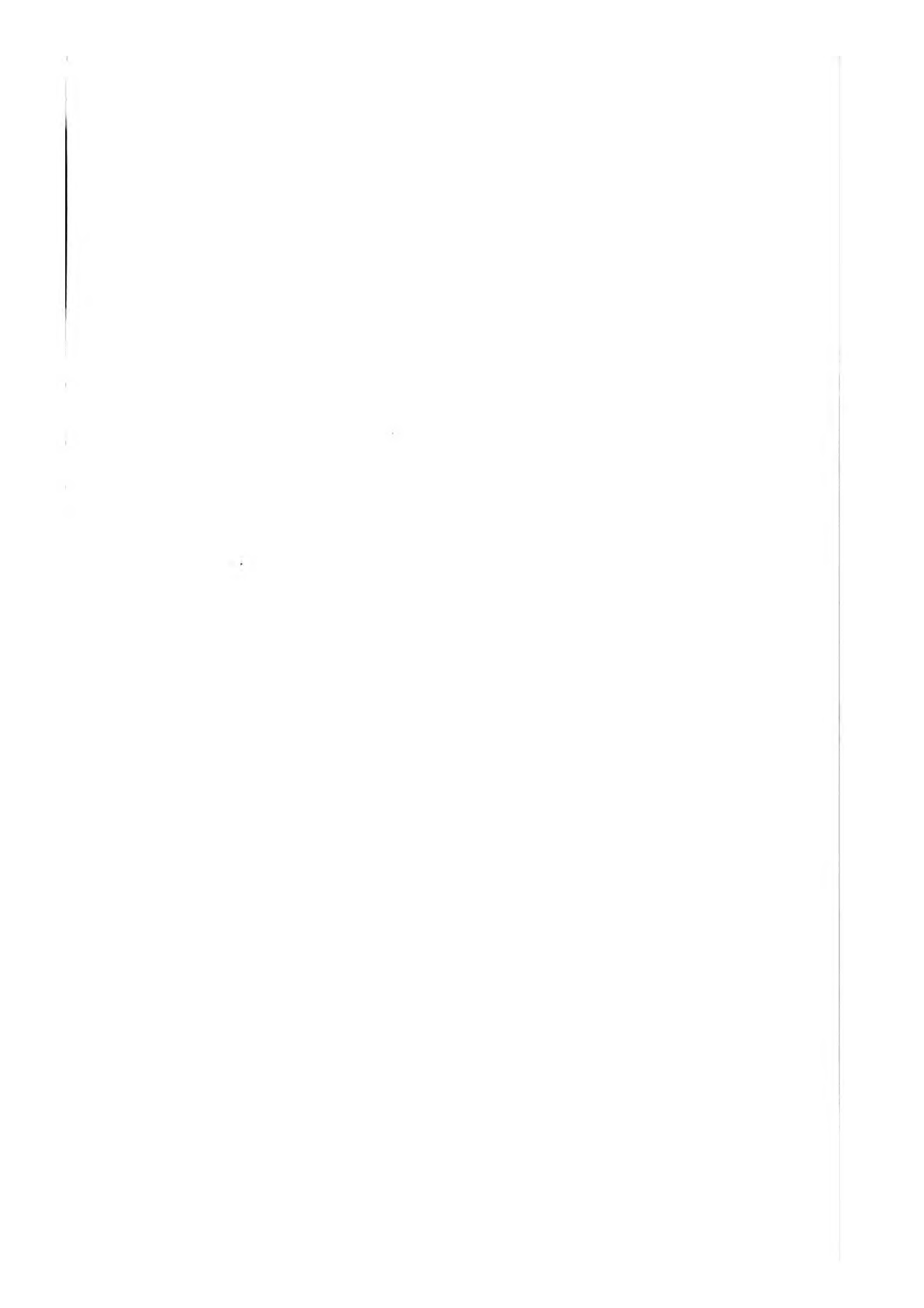

Confined to Library
~~Vet. Slav II c 1~~

Vet. PG3343 . I6 (1)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНИЙ ФОНД.
1067

**ИСТОРИЯ
ПУГАЧЕВСКОГО
БУНТА.**

И С Т О Р І Я
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

Съ дозволенія Правительства.

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеларіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано Правительствомъ, касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами Государственными, нынѣ превращенными въ Историческіе матеріалы. Государь Императоръ по своемъ восшествіи на престоль приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сии

сокровища вынесены были изъ подваловъ гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій Историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправить и дополнить мой трудъ—конечно несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкинъ.

2 Ноября 1833.

Село Болдино.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Т О М А П Е Р В А Г О .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Справ.

Начало Яицкихъ Казаковъ.—Поэтическое преданіе.— Царская Грамота.—Грабежи на Каспійскомъ морѣ.—Стенька Разинъ.—Нечай и Шамай.—Предположенія Петра Великаго.—Внутреннія безпокойства.—Побѣгъ кочующаго народа.—Бунтъ Яицкихъ Казаковъ.—Ихъ усмиреніе . . . 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева.—Бѣгство его изъ Казани.—Показанія Кожевникова.—Первые успѣхи Самозванца.—Измѣна Илецкихъ Казаковъ.—Взятіе крѣпости Разсыпной.—Нурали-Ханъ.—Распоряженіе Рейнсдорпа.—Взятіе Нижне-Озерной.—Взятіе Татищевой.—Совѣтъ въ Оренбургѣ.—Взятіе Чернорѣченской.—Пугачевъ въ Сакмарскѣ . . . 13

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Мѣры Правительства.—Состояніе Оренбурга.—Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ.—Разбойникъ Хлопуша.—Пугачевъ подъ Оренбургомъ.—Бердская слобода.—Сообщники Пугачева.—Генералъ-Маіоръ Каръ.—Его неудача.—Гибель Полковника Чернышева.—Каръ оставляетъ армию.—Бибиковъ 33

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ.—Маіоръ Заевъ.—Взятіе Ильинской крѣпости.—Смерть Камешкова и Воронова.—Состояніе Оренбурга.—Осада Яицкаго городка.—Сраженіе подъ Бердою.—Бибиковъ въ Казани.—Екатерина II, помѣщица Казанская.—Мнѣніе Европы.—Вольтеръ.—Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева 59

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стр. 1.

Распоряженія Бибикова. — Первые успѣхи.—Взятіе Самары и
Зайнска. — Державинъ. — Михельсонъ. — Продолженіе оса-
ды Яицкаго городка.—Свадьба Пугачева.—Разореніе Яиц-
кой Защиты. — Смерть Лысова. — Сраженіе подь Тати-
щевой. — Бѣгство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Осво-
божденіе Оренбурга.— Пугачевъ разбитъ вторично.—Сра-
женіе при Чесноковѣ. — Освобожденіе Уфы и Яицкаго
городка. — Смерть Бибикова. 79

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. — Башкирецъ Салаватъ.—Взятіе Си-
бирскихъ крѣпостей. — Сраженіе подь Троицкою. — От-
ступленіе Пугачева. — Первая встрѣча его съ Михельсо-
номъ. — Преслѣдованіе Пугачева. — Бездѣйствіе войскъ.—
Взятіе Осы.—Пугачевъ подь Казанью. 107

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михель-
сона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани. — Свиданіе
Пугачева съ его семействомъ. — Опроверженіе клеветы.—
Распоряженіе Михельсона 124

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письмо Генерала
Ступишина. — Намѣреніе Екатерины.—Графъ П. Ив. Па-
нинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Все-
воложскаго. — Споры Державина съ Бошнякомъ. — Взятіе
Саратова. — Пугачевъ подь Царицынымъ. — Смерть
Астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ.—
Пугачевъ выданъ Правительству.—Разговоръ его съ Гра-
фомъ Панинымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его
сообщниками.—Казнь бунтовщиковъ 138

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

И С Т О Р І Я.

Мнѣ кажутся сего вора всѣхъ замысловъ и похощеній не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему Историку порядочно описать едва-ли бы удалось; коего всѣ заплѣи не ошъ разума и воинскаго распорядка, но ошъ дерзости, случая и удачи завистли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только разскажетъ, но нарочитой части припомнитъ не въ состояніи, поелику не ошъ его одного непосредственно, но ошъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныя вѣдугъ мѣстахъ происходивши.

Архимандритъ Платовъ Лубарскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Яицкихъ Казаковъ. — Поэтическое преданіе. — Царская Грамота.
— Гравежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенька Разинъ. — Нечай и Шамай.
— Предположенія Петра Великаго. — Внутреннія возпокойства. —
Повягъ кочующаго народа. — Бунтъ Яицкихъ Казаковъ. — Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименован-
ный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему
нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ
цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было
основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская
крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ,
поворачиваетъ на западъ, и протекши болѣе двухъ
тысячъ пяти сотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское
море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ
почти всю юго-восточную границу Оренбургской
губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволж-

скія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подѣ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистыя, песчаные и безлѣсныя, но въ мѣстахъ поемныхъ удобныя для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ пятнадцатомъ столѣтїи, явились Донскіе казаки, разбѣзжавшіе по Хвалынскому морю ¹⁾. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени, и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя Татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба пле-

мени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: Казаки стали получать женъ изъ Татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ Атамановъ, по имени *Гугня*, первый преступилъ жестокой законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру Атамана, покорились игу семейственной жизни. Донцынѣ, просвѣщенные и гостепріимные, жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугники ²⁾.

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобъ Онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамоту ³⁾ на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ *набираться на житье вольными людьми.*

Число ихъ часъ-отъ-часу умножалось. Они продолжали развѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя Персидскія суда, и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттолъ отправились въ Москву, и явились ко Двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были Стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стецька Разинъ посѣтилъ Яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а Стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены ⁴⁾.

Преданіе, согласное съ Татарскимъ Лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ Яиц-

кихъ Атамановъ, Нечая и Шамай⁵⁾. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажилъ въ немъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся Ханомъ, и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о гибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой Атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ Калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ Хивинскому Хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ Калмыками въ Яицкое вой-

ско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службы по наряду Московскаго Приказа; но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; Атаманы и Старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; *въ куль да въ воду* — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія ⁶⁾. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, Яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностію ⁷⁾.

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія Яицкихъ казаковъ въ общую систему Государственнаго Управленія. Въ 1720 году Яицкое войско отдано было въ вѣдомство Военной Коллеги. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ—бѣжать въ Киргизскія степи; но были жестоко усмирены Полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ Войскаго Атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между Войсковымъ Атаманомъ Меркулевымъ и Войсковымъ Старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе Яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ Губернаторомъ, представилъ въ Военную Коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на Престолъ Государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года, стороны Логиновской Яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ Членовъ Канцеляріи, учрежденной въ войскѣ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и Генераль-Маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была Слѣдственная Коммисія. Въ ней присутствовали Генераль-Маіоры Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Войсковою Атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; Члены Канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія Самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію Президента Военной Коллегіи, Графа

Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы, и наказаны какъ бунтовщики. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленія. Узнали, что Правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генераль-Маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкой городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествіе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ, кочевали мирные Калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Блага Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе Приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностію отъ средоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились

оставить Россію, и тайно снеслись съ Китайскимъ Правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону, и потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества ⁸⁾. Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромѣ весьма малаго числа) не послушались, и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ, для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 15 Января 1771 года, они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы, и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова, въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ Слѣдственной Коммисіи. Они требовали отрѣшенія Членовъ Канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генераль-Маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ на-встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія Войсковаго Атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки

бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, Члены Канцеляріи посажены подъ стражу; а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя Выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ Генераль-Маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для ихъ усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и—взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку ⁹⁾. Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Орен-

бургъ учредилась Слѣдственная Коммисія подъ предсѣдательствомъ Полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ Гостиного и Мѣноваго дворовъ. Прежнее Казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено Яицкому Коменданту, Подполковнику Симонову. Въ его Канцеляріи повелѣно присутствовать Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину и Старшинѣ (просто му) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человекъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (NB всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. „То ли еще будетъ!“ говорили прощенные мятежники: „такъ ли мы тряхнемъ Москвою.“ — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила слова сіи Военная Коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ ¹⁰⁾ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Божевникова. — Первые успѣхи Самозванца. — Измена Илецкихъ казаковъ. — Взятіе крепости Разышнѣй. — Нурали-Ханъ. — Распоряженіе Рейнсдорпа. — Взятіе Нижне-Оверной. — Взятіе Татищевой. — Советъ въ Оренбургѣ. — Взятіе Чермораченской. — Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время, по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла ¹⁾. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пянова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ Начальство, и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области Турецкаго Султана; онъ увѣрялъ, что и

Донскіе казаки не замедлять за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то Паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покаместъ обѣщаль онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества, или Крещенія, непременно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ Комендантскую Канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ, и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Волгскъ) по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогою ²). Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ Польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, среди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ могло казаться важнымъ, то Оренбургской Губернаторъ и почелъ за нужное увѣдо-

мить о томъ Государственную Военную Коллегію, донесеніемъ отъ 18 Января 1773 года.

Лицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и Казанское Начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ, подѣ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ Казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 Іюня 1773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе Суда, по которому Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетми и къ ссылкѣ въ Пельмъ, на каторжную работу ³⁾.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всемъ недовольнымъ казакамъ. Известно, что въ царствованіе Анны Іоанновны, Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество Донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донинѣ живутъ въ Турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней Турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Императору Николаю, уже переплывшему Дунай на Запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцевъ, и возвратились подъ владычество законнаго своего Государя.

Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто набѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только прошлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ Казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ-отъ-часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи . . . Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайла Кожевникова, привели въ Комендантскую Канцелярію, и пыткой вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ Сентября находясь онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѣемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ вер-

блюжемъ армякъ, въ голубой Калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повѣстки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ Императоръ Петръ III, что слухи о смерти его были ложны, что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно находился въ Русскомъ войскѣ во время послѣдней Турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону, и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвестнымъ купцемъ, освободилъ его снова; что послѣ подѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взять Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Выказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи

казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни, хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать Атамана, итти прямо на Яицкой городокъ, овладѣть имъ, и учредить заставы по всемъ дорогамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ *броситься въ Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ Судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда), и возвести на престоль Государя Великаго Князя. *Самъ же я*, говорилъ онъ, *уже царствовать не желаю*. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ, и увезли его на Усихину Розсашь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 Сентября Пугачевъ, съ Будоринскаго ⁴⁾ форпоста, пришелъ подѣ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ-сотъ человекъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пять-сотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при Капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца, и потащила съ собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Наумовъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сии первыя его жертвы были, Сотники: Витошновъ, Чертороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу; но при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хо-

тѣмъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генералъ-Поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симона дошло до Губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку ⁵⁾, и послалъ начальствовавшему въ немъ Атаману Портнову повелѣніе—выдти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (Илецкіе, какъ и Яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местію въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, Атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его, и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ Атамана, три дня праздновалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разышную ⁶⁾.

Крѣпости въ томъ краю выстроенныя были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 Сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, Маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ Священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтора ста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Будоринскаго форпоста, Пугачевъ писалъ къ Киргизь-Кайсакскому Хану, именуя себя Государемъ Петромъ III, и требуя отъ него сына въ заложники и ста человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-Ханъ подѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ Оренбургскому Губернатору Татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. „Мы, люди живущіе на степяхъ, — писалъ

Нурали къ Губернатору, — не знаемъ, кто сей, развѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, обливъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человекъ русая.“ Присемъ пользуясь обстоятельствами, Ханъ требовалъ отъ Губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III известна всему Свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ Хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его Правительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прошенія Хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не преставаая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а Киргизцы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ Хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе Лицкаго Коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло и донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ спѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ Бригадиру Барону

Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмястами солдатъ пѣхоты и конницы, и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Лицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи ⁷⁾, Бригадиру Барону Корфу велѣлъ, какъ можно скорѣе, идти къ Оренбургу; Подполковнику Симонову отрядить Маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками, для соединенія съ Биловымъ; Ставропольской Канцеляріи ⁸⁾ велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближайшимъ Башкирцамъ и Татарамъ собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человекъ идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную; но, въ пятнадцать верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался, и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Въмѣсто пятисотъ вооруженныхъ Калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и Татары не слушались предписанія. Маіоръ же Наумовъ

и Войсковой Старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева, и 3 Октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не выдавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную⁹⁾. На дорогѣ встрѣтилъ онъ Капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому, Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго Коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили, и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26 Сентября, вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. „Берегись, Государь,“ сказалъ ему старый казакъ: „неравно изъ пушки убьютъ.“ — „Старый ты человекъ,“ отвѣчалъ самозванецъ: „развѣ пушки льются на Царей?“ — Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слу-

шался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки, и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника, и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться, и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ Прапорщикомъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго Коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю ¹⁰⁾. На другой день Пугачевъ выступилъ, и пошелъ на Татищеву ¹¹⁾.

Въ сей крѣпости начальствовалъ Полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 Сентября, Пугачевъ показался на высотахъ, ее

окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ—*не слушаться бояръ* и сдать-ся добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіеся близъ крѣпости, загорѣлись, подоженные осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Билловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Биллову отсѣкли голову. Съ Елагина, челоуѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало, и мазали имъ свои раны. Жѣну его изрубили. Дочь ихъ, на канунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителю, распорядившему казню ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ паложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова Маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Гатищевой; ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ

и Башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣлены картечью. Прочіе острижены по-казацки, и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ за тѣмъ Билловъ, изъ Татищевой, извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; Маіоръ Крузе, изъ Чернорѣченской, о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28 Сентября) триста человѣкъ Татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги, съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиновниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать, и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У Польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе, и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе Оберъ-Коменданту, Генералъ-Маіору Валленштерну; прочимъ находится въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ Таможеннаго Директора Обухова.

4) Сситовскихъ Татаръ перевести въ городъ, и поручить начальство надъ ними Коллежскому Совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерію отдать въ распоряженіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ Артиллеріи.

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ Оберъ-Коменданту исправить городскія укрѣпленія, и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще невзятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой, 29 Сентября, Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую¹²⁾. Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при Капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто Коменданта, Маіора Крузе,

который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ Капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку ¹³⁾, коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1-го Октября, изъ Татарской деревни Корчале, поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ ¹⁴⁾:

„Въ крѣпости у станичной избы посланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки*. Потомъ всѣ цѣловали его руку.—Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали: что иные на службѣ, другіе съ ихъ Атаманомъ, Даниломъ Донскимъ, взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать

человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ Священнику, и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: *ты поплъ, такъ будь и Атаманъ; ты и всѣ жители отвѣчаеи мнѣ за нихъ своими головами.*—Потомъ поѣхалъ онъ къ Атамановому отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. *Если бѣ твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онъ старику, то вашъ обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ: но хлѣбъ-соль твоя по-мрачнлась. Какой онъ Атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?*—Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина; но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково, и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? *Возьмите, отвѣчалъ онъ, краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга.*—Въ сіе время Башкирцы, присланные отъ Оренбургскаго Губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ, и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ ¹⁵⁾“

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ по своему обыкновенію принялъ солдатъ въ свое войско, и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы, и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты, или сдались ему. Войско его съ часу-на-часъ умножалось неимоверно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3 Октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

МЪРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — СОСТОЯНІЕ ОРЕНБУРГА. — ОБЪЯВЛЕНІЕ ГЕЙСДОРНА
О ПУГАЧЕВѢ. — РАЗВОЙНИКЪ ХЛОПУША. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ ОРЕНБУРГОМЪ. —
БЕРДСКАЯ СЛОБОДА. — СООБЩНИКИ ПУГАЧЕВА. — ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ БАРЪ. — ЕГО
НЕУДАЧА. — ГИБЕЛЬ ПОЛКОВНИКА ЧЕРНЫШЕВА. — БАРЪ ОСТАВЛЯЕТЪ АРМІЮ. —
БИБИКОВЪ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу-на-часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своими Старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ), начали нападать на Русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваши, Черемисы перестали повиноваться Русскому Начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только

Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы, Казанскій—фонъ-Брантъ, Сибирскій—Чичеринъ и Астраханскій—Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ извѣстили Государственную Военную Коллегію о Яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодование. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадрамъ изъ Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута на-скоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено Генералъ-Маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній Начальства. Онъ находился въ Петербургѣ, при приѣмѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду Генералъ - Маіору Нащокину, и слѣзнуть къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію. Къ нему присоединили Генералъ - Маіора

Фреймана, уже усмирявшаго разъ Яицкое войско, и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15 Октября Правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія ¹⁾.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семь городъ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ ²⁾.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей, вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова ³⁾ подтвердило справедливые

слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; уstraшенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ ⁴⁾, подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколотъ Губернатора. Въ селеніяхъ, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія ⁵⁾. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что *о злодѣйствующемъ съ Ницкой стороны носится слухъ, якобы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть*; но что онъ въ самомъ дѣлѣ Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо ⁶⁾. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ ⁷⁾.

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ Оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, известный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза есы

лаемъ былъ въ Сибирь, и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ ⁸⁾ употребить смышленнаго каторжника, и чрезъ него переслать въ шайку Пугачевскую увѣщательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ Губернаторскія бумаги. „Знаю, братецъ, что тутъ написано,“ сказалъ безграмотный Пугачевъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго Киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его Полковникомъ, и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и Башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 Октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся

впередъ, и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну баттарею на паперти церкви у самого предмѣстїа, а другую въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію Губернатора, предмѣстїе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противу зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ Маіоръ Наумовъ (только что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человекъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался, и отступилъ безо всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ своихъ чиновниковъ, и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ укрѣ-

пленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На семъ совѣтѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: *итти противу бунтовщиковъ*. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе, и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 Октября мятежники выѣхали грабить Мѣной Дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города⁹⁾. Высланный противу нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ доста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно; а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать¹⁰⁾. Онъ кое-какъ успѣлъ однакожь уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 Октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ, и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ карре, и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человѣкъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разѣзжали около городскаго вала, и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. „*Не стану тратить людей,*“ говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ, „*а выморю городъ моромъ.*“ Не разъ находилъ онъ способъ доставлять жителямъ возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, подсланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургъ оказался недостатокъ въ снѣгѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ

неспособныя лошади были отобраны и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимской уѣздъ. Но, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, лошади были захвачены бунтующими крестьянами и Татарами, а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14 Октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ. 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ, и расположился подъ Бердскою ¹¹⁾ слободою, близъ лѣтней Сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолъ разъѣзды его не преставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2 Ноября Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего города баттарен, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ человекъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительство-

валъ. Егеря полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстiя. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ Соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и мятель. Мятежники въ церкви разложили огонь, изтопили izбу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстiи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученiй. Мятежники устроили тамъ свою главную баттарюю. Обоюдная пальба продолжалась цѣлой день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ ¹²⁾. Утромъ изъ города высланы были невольники подъ прикрытiемъ казаковъ, срыть мишень и другiя укрѣпленiя, а izбу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣянiе въ доскутьяхъ.

Стужа усилилась. 6 Ноября Пугачевъ съ Яицкими казаками перешель изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, Калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ, въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были Яицкіе казаки, и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неимовѣрное множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пяти-сотъ человекъ. Жалованье получали одни Яицкіе казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частные разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправно-

стію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали Государя Петра Ѳеодоровича и Супругу Его, Государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольниковъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему, кланялись въ землю, и перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣленныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: *Господа казаки! пора*

самъ одуматься и служить Государю Петру Федоровичу. Другіе требовали, чтобы имъ выдали *Мартюшку Бородина* (Войсковаго Старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: *У нашего батюшки вина много!* Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣзники, и завязывались перестрѣлки иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ, — и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ утцы¹³⁾.

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, неимѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но на-единѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ ру-

бахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ skutчалъ ихъ опекою. *Улица моя тѣсна*, говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына¹⁴). Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подѣ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ осведомился. *Онъ пошелъ*, отвѣчали ему, *къ своей матушкѣ внизъ по Яику*. Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подѣ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣлены. Раненые, они сползли другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенные въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и прѣстунъ Пугачева. Онъ именовался Фельдмаршаломъ, и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика Графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ Графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ Графомъ Панинымъ, Чумаковъ Графомъ Орловымъ¹⁵⁾. Отставной Артиллерійской капраль Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался Правительству, привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія: но пріѣхавъ въ Берду, оказался однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ

Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку, или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза¹⁶⁾. Вотъ какіе люди колебали Государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій Губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ, и расположить ихъ частію около Кичуевского фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человекъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ, для поимки разбойниковъ: имъ вѣрно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву, къ Генералъ-Аншефу Князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но Московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а Томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ, и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ Симбирскому Коменданту, Полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи Генераль-Маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для приѣма рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. „Опасаюсь только, писалъ онъ Графу З. Г. Чернышеву, чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допусти до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились.“ Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева, по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ Ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ Башкирцевъ и Мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, во ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно - Петровскомъ ¹⁷⁾ заводѣ и возмутивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ.

Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 7 Ноября послалъ Секундъ - Маіора Шишкина съ четырьмястами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву,¹⁸⁾ а самъ съ Генераломъ Фрейманомъ и Преміеръ-Маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только что подошедшими изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманавой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой, шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ и прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщательный Манифестъ; они его приняли, но отѣхали съ бранью, говоря, что ихъ Манифесты правѣ, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался, и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскочили со всѣхъ сторонъ и откры-

ли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты, отдалялись, проворно перевозя свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалекомъ разстояніи, подъ начальствомъ Князя Уракова, бѣжали заслыша пальбу. Солдаты, по большой части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гранатеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при Поручикѣ Карташовѣ, вѣхали съ такой оплошностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ Военной Коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлыя полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе Полковнику Чернышеву не выступать изъ Перволоцкой, и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11 Ноября Чернышевъ выступилъ изъ Перволоцкой, и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ Илецкихъ казаковъ, приведенныхъ Самарскимъ Атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Перволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣрили, бѣжали изъ Пугачевского стана. Между ними на-

ходилъ казацкій Сотникъ и Депутатъ ¹⁹⁾ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою Депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно итти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ, и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуетъ и онъ безпрепятственно успеетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ Калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собой трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ, и явился къ Губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. — Въ самое сіе время въ Оренбургѣ слышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла . . . Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и Калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужей, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева, тридцать шесть офицеровъ, одну Прапорщицу и Калмыцкаго Полковника ²⁰⁾, оставшагося вѣрнымъ своему несчастному Начальнику.

Въ то же самое время Бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человекъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него: но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское Начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14 Ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле, подъ предводительствомъ Оберъ-Коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный

огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить карре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка ²¹⁾. Въ тотъ же день Маіоръ Варнстедъ, отряженный Каромъ на Ново-Московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева, и послѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ-сотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ, и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ Военной Коллегіи, самовольно отказался отъ начальства, подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на счетъ образа дѣйствій противу Пугачева, и оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица, строгимъ указомъ, повелѣла его исключить изъ службы ²²⁾. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Императора Александра.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника, и выбрала Генераль-Аншефа Бибикова.—Александръ Ильичъ Бибииковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честію въ семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась Коммисія Новаго Уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ; самъ былъ избранъ Депутатомъ, и потомъ назначенъ въ Предводители всего Собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ, на мѣсто Генераль-Поручика Веймарна, Главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею Генераль-Поручику Романусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при Графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, дотолѣ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, Она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на дѣлѣ и душею преданный Государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежнею ласковой улыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу Отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9 Декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибииковъ нашель старую столицу въ страхъ и унынїи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданїи новаго бѣдствїя. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ, или угрожаемыхъ возмущенїемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленїи господъ. Многочисленная Московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣнїемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибиикова съ восторгомъ, доказывавшимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДѢЙСТВІЯ МЯТЕЖНИКОВЪ.—МАІОРЪ ЗАЕВЪ.—ВЗЯТІЕ ИЛЬИНСКОЙ КРѢПОСТИ.—
СМЕРТЬ БАМЕШКОВА И ВОРОНОВА.—СОСТОЯНІЕ ОРЕНБУРГА.—ОСАДА ЯИЦКАГО
ГОРОДКА.—СРАЖЕНІЕ ПОДЪ БЕРДОЮ.—БИВНКОВЪ ВЪ БАЗАНИ.—ЕКАТЕРИНА II,
ПОМѢЩИЦА КАЗАНСКАЯ.—МЦЕНІЕ ЕВРОПЫ.—ВОЛЬТЕРЪ.—УКАЗЪ О ДОМѢ И
СЕМЕЙСТВѢ ПУГАЧЕВА.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоря селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестьюстами челоуѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ, и осадилъ ее въ концѣ Ноября. Городъ не

имѣлъ укрѣпленій подобныхъ Оренбургскимъ; однако жъ Комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію Башкирскія и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятьюстами чело­вѣкъ и шестью пушками взять крѣпости Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряженъ былъ, Сибирскимъ Губернаторомъ Чичеринымъ, Генераль-Поручикъ Декалонгъ и Генераль - Маіоръ Станиславскій ¹⁾. Первый прикрывалъ границы Сибирскія; послѣдній находился въ Орской ²⁾ крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности, и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ Коменданта, Поручика Лопатина: но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ по-

шелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ, Подполковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопуши, и соединясь съ нимъ 26 Ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники спѣшась ударили въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ Башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирекой линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженныя Генераль - Маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27 Ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ

бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало); также учредилъ караулы и разъѣзды, и сталъ ожидать непріятели.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приблизились, и разъѣжая около нея, кричали часовымъ: „не стрѣляйте, и выходите вонъ: здѣсь Государь.“ По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись, и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные Поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. „Оставайтесь здѣсь и защищайтесь—“ сказалъ онъ имъ — „а я отъ Генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю.“

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ

воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти все офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю Татарскую деревню. Пленные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: *прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ. Вставайте!* Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили Капитана Камешкова и Прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена.—*За чѣмъ вы шли на меня, на вашего Государя?* спросилъ побѣдитель. — „Ты намъ не Государь,“ отвѣчали пленники: „у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.“ Они тутъ же были повѣшены.—Потомъ привели Капитана Башарина. Пугачевъ не сказалъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ пленъ солдаты стали за него просить. *Если онъ былъ до васъ добръ,* сказалъ самозванецъ, *то я его прощаю.* И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а

раненыхъ отвезти въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, за чѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непременно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена Бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами ³⁾.

30 Ноября онъ снова окружилъ крѣпость, и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ, то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ, и хотѣлъ идти противу Stanisлавскаго, но, перехвативъ Оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя безкор-

мицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отъсюду, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка, высылалъ онъ иногда до тысячи человекъ, и то перѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, развѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хотя имъ было не до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ Губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу ⁴⁾.

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, уstraшенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки

съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ, или для поимки возмутителей, посылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29 на 30 Декабря Старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ, человекъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31 Декабря отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ, и тутъ же вооружась чѣмъ ни пошло, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изъ всѣхъ переулковъ, засѣли въ

высокія избы, и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ.— Мятежники, безопасные въ десяти саженьяхъ отъ крѣпости, и большею частію *Гулбичики* (охотники) попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали, или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нихъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и Послушныхъ; довольно количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущія къ ней улицы и переулки;

за строеніями взвели до шестнадцати баттарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь, и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенѣны, а Послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (Академика, находившагося въ то время въ Оренбургъ) стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастья оружія, и 13 Января,

всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргалѣ, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервъ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзанъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ-сотъ убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи, Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибииковъ прибылъ въ Казань 25 Декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцевъ бѣжала въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибиикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1 Января 1774 года, послѣ молебствія и Слова, говореннаго Казанскимъ Архіереемъ Веніаминомъ, Бибииковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную Рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ Правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ Отечеству и вѣрности къ Престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибиикова, былъ избранъ въ Начальники легіона. Дворянство Симбирское, Свіяжское и Пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству Маіоровъ Гладкова и Чемесова, и Капитана Матюнина. Казанскій Маги-

стратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусарь.

Императрица изъявила Казанскому дворянству Монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя Себя Казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій Предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ Рѣчью, сочиненною Гвардіи Подпоручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при Главнокомандующемъ ⁵⁾.

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ Графу Чернышеву, фонъ-Визину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30 Декабря писалъ онъ своей женѣ: „Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать буде бѣ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера

изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное, и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда позднеенько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на Петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всемъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ Губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перенакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ - молитвахъ, а праведную ⁶⁾ Евпраксию нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно.“

Въ самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю от-

всюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ, или заводскаго мужика съ дубиной ⁷⁾. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ ⁸⁾. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами ⁹⁾. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изъ всѣхъ концовъ Государства, подвигались медленно. Зло, ни чѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева, Яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская ¹⁰⁾ были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей ¹¹⁾. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ Европейскихъ Державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія ¹²⁾.

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе Турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ ЕКАТЕРИНѢ: *C'est aparamment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au tems de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui.* ИМПЕРАТРИЦА, досадуя на сплетни Европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: *Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr de Pougatschef et Mr de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie* ¹³⁾.

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, ИМПЕРАТРИЦА не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные Манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ

Сулинъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякаго оскорбленія*, отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя на вѣки въ запусѣніе, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ Зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго Ей и Отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтныя) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобранны слѣдующія по-

дробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колсбавшемъ Государство ¹⁴⁾.

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ-роду, росту средняго, смугль и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, не большую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ, въ кулачномъ бою. На лѣвомъ виску имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью ¹⁵⁾. Онъ не зналъ грамотъ, и крестился по раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился онъ на казачкѣ Софѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ, и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейской Атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили, и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пу-

гачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки Правительству. Возвратясь въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ; но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, Старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самаго Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга, скрывался онъ за Польской границей, въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней. — Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ Правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная Полицейская мѣра имѣ-

ла силу закона до самаго восшествія на Престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ ¹⁶⁾. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ БИБИКОВА. — ПЕРВЫЕ УСПАХИ. — ВЗЯТІЕ САМАРЫ И ЗАМСКА. — ДЕРЖАВНИКЪ. — МИХЕЛЬСОНЪ. — ПРОДОЛЖЕНІЕ ОСАДЫ ЯИЦКАГО ГОРОДКА. — СВАДЬБА ПУГАЧЕВА. — РАЗОРЕНІЕ ЯИЦКОЙ ЗАЩИТЫ. — СМЕРТЬ ЛЫСОВА. — СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ТАТИЦЕВОЙ. — БѢГСТВО ПУГАЧЕВА. — КАЗНЬ ХЛОПУШИ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ ОРЕНБУРГА. — ПУГАЧЕВЪ РАЗВИТЪ ВТОРИЧНО. — СРАЖЕНІЕ ПРИ ЧЕСНОВКѢ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ УФЫ И ЯИЦКАГО ГОРОДКА. — СМЕРТЬ БИБИКОВА.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибииковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генераль-Маіоръ Князь Голицынъ, съ своимъ корпусомъ, долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генераль-Маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ Маіоръ Муфель и Подполковникъ Гриневъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ

къ Уфѣ и къ Екатеринбургъ. Декалонгъ охранялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить Маіора Гагринна съ одною полевой командою для защиты Кунгура. Въ Мальковку посланъ былъ Гвардіи Поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибииковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Въ послѣдствіи Бибииковъ былъ доволенъ своими полками. „Дѣла мои, Богу благодареніе! (писалъ онъ въ Февралѣ) идутъ часъ-отъ-часу лучше; войски подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы у гуся: не зябуть ли ноги?“

Маіоръ Муфель, съ одною полевой командою, 29 Декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они, подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ, думали

сопротивляться. Но драгуны ударили въ палати и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое сіе время, въ двухъ верстахъ отъ Самары, показались Ставропольскіе Калмыки ¹⁾, идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шестъ пушекъ и двѣсти пѣшихъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару Подполковникъ Гриневъ и Генераль-Маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю, для усмиренія Калмыковъ: но они разбѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибииковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе Генераль-Маіора Фреймана, стоявшаго въ Бугульмѣ безо всякаго дѣйствія, пошелъ на Зайнекъ, коего семидесятилѣтній Комендантъ, Капитанъ Мертвецовъ, принялъ съ честью шайку разбойниковъ, давъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города, Бибииковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, баттарей взяты, пред-

мѣстїя заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибикову являлось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты, и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза и орды племень, кочующихъ между Яикомъ и Волгою²⁾. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ прїѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось.

Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, начальникъ Дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія

Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. „За грѣхи мои (писалъ Бибииковъ) навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливимъ detachментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.“ Ларионовъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила Главнокомандующаго послать на его мѣсто, нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, Подполковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22 Января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6 Февраля соединился съ нимъ Полковникъ Бибииковъ; Мансуровъ, 10го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его на встрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ

онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. „Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцевъ нашихъ.“ (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти ³.) Яицкіе же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки Правительства, и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: „Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, Яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ; важно общее негодованіе ⁴.“

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20 Января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ баттареею, устроенною при *Старицѣ* (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валъ; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и

дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ, и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ-сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ-лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: „помилуй, Государь! Дочь наша не Княжна, не Королевна; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?“ Пугачевъ однако, въ началѣ Февраля, женился на Устиньѣ, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрей-

линъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на екстеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳеодоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба неумолкала, вылазки не прекращались.

19 Февраля ночью прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ* ⁵⁾, и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ нарочно для посѣянія пустаго страха. Осажденные вели контрмину, и не слышали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ нею въ подвалѣ сохранялся весь

пороховой запасъ (что могли знать и мятежники), то и поснѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груды. Бывшіе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ, свалились отголѣ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крепости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни, и поставилъ тамъ баттарсю. Мятежники, не ожидавшіе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи; чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: на сломъ, на сломъ, Атаманы молодцы! Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, рошца на Пугачева, объ-

щавшаго имъ, что при взрывѣ колокольни, на крепость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи Князя Голицына, и послѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пятьсотъ человекъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отечтвиемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою Защитой⁶⁾ (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ Февраля, взявъ съ собой четыреста человекъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ

Берду; негодовалъ на своеволие смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ Государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ Князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, они ѣхали вмѣстѣ изъ Кургале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскочилъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ шилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сарочинскую ⁷⁾; и съ обыкновенною дерзостію ночью, въ сильной бурнѣ, напалъ на передовые отряды Голицына; но былъ отраженъ Маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ Княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской ⁸⁾, не успѣвъ сжечь

крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сарочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехъ-сотъ человекъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ, и вдругъ поворота къ Татищевой, въ ней засѣлъ, и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку Подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую ⁹⁾ (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при Подполковникѣ Гриневѣ, 22 Марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили Князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человекъ для вымотра неприятеля ¹⁰⁾. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ къ самой крѣпости, и вдругъ сдѣлали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ

Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться, и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что одними пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ Генералу Фрейману съ лѣвою колонною итти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ, и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія—и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ недѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехъ-сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ ¹¹⁾. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестюдесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораже-

ніи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу ¹²⁾, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ симъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастью, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены сълочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятию пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его, и послали увѣдомить о томъ Губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову, въ Іюнь 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человекъ пѣхоты, высланныхъ Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осемнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ ¹³⁾ и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга ¹⁴⁾. Отвсюду начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шести-мѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 Марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ.

Бибииковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. „То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26 Марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добратся, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ

волось прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу кожу безъ парика.“

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сентовскую ¹⁵⁾ слободу, зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ Полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ на-встрѣчу самозванцу, и встрѣтилъ его въ Каргале. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ Полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ, и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ

гору, выстроилъ баттарею; Хорватъ, въ послѣдней тѣснинѣ, бросаея на мятежниковъ, отбилъ орудія, и обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы, и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарской городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человекъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской, и оттолъ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достигъ. Послѣ сей рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана — для усмиренія Башкирин, Аршеневскаго—для очищенія Ново-Московской дороги, а Мансурова—къ Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18 Марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него, для прегражденія пути, выслано было Чикою двѣ тысячи человекъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковъ. Ми-

хельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятию тысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го на разсвѣтъ пришелъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человекъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтъ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами, и растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленныя десятию пушками, пошли прямо ему на-встрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ батареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ все свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на конь и ударить въ палаша. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ни-

ми вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена, и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее, и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: Башкирскаго старшину, и выборнаго села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табисскъ, куда, послѣ Чесноковскаго дѣла, прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены ¹⁶⁾ казаками и выданы побѣдителямъ, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкій городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ,

Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкой городокъ. Вѣсть о поражениі самозванца подъ Татищевой, въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!—Они на-скоро перевязывали свои раны, и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей ¹⁷⁾. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6 и 7 Апрѣля занялъ оставленные крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны; Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года ¹⁸⁾. Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ло-

мы и лопаты; возвышались новыя баттарей. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ Соборную церковь, подъ баттарей, и подъ Комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности, и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною, и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9 Марта, на разсвѣтъ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой баттарей, сильно беспокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человекъ, ранено до осьмиде-

сяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избѣ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпѣвать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено; нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ

карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ, и обѣщавъ за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ-отъ-часу становился ужаснѣе. Лошадиного мяса, раздававшася на всѣхъ, уже не было. Стали есть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, обѣденыя собаками. Наконецъ же сей занасъ истощился. Стали изобретать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсиѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ томъ родѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Одежѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска Правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже прекло-

вились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человекъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертію. Рѣши-

лись всё до одного (кроме совершенно изнеможенных) идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во Вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровль Соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣжали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами възъзжали въ стѣнь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. „Все это насъ такъ ободрило“—говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ,—„какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.“ Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуше прежняго. Они молча глядѣли въ стѣнь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей . . . Вдругъ, въ пятомъ часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы безъ порядка скачущія изъ-за роши одна за другою. Бунтовщики възъзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажден-

ные понимали, что мятежники разбиты и бегутъ; но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣжали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожаръ. Къ вечеру ударили въ Соборной колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить; но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи, благодарили Бога, поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители уведомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17. Апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 Декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ,

и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ. Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ начальство Генераль-Поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ, и скончался 9 Апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань, желала погребсти его въ своемъ Соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе Сенатора и чинъ Полковника Гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: „Не жалѣю о дѣтяхъ и же-

нѣ; Государыня призрѣть ихъ: жалѣю объ Отечествѣ“¹⁹⁾. — Молва приписала смерть его дѣйствию яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его, и осыпала его семейство своими щедротами²⁰⁾. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю.²¹⁾

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НОВЫЕ УСПАХИ ПУГАЧЕВА. — БАШКЕРЕЦЪ САЛАВАТЪ. — ВЪЯТІЕ СИБИРСКИХЪ КРѢПОСТЕЙ. — СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ТРОИЦКОЮ. — ОТСУПЛЕНІЕ ПУГАЧЕВА. — ПЕРВАЯ ВСТРАЧА ЕГО СЪ МИХЕЛЬСОНОМЪ. — ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ПУГАЧЕВА. — БЕЗДѢЙСТВІЕ ВОЙСКЪ. — ВЪЯТІЕ ОСЫ. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ БАЗАНЬЮ.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые Маіоромъ Шевичемъ, проскакали черезъ Сакмарскую линію съ тремя-стами Яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и Оренбургскіе Калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шестисотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставный Подполковникъ Мельковичъ, человекъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ началь-

ство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; Башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верко-Яицкой крѣпости, Полковникъ Ступининъ, вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, отрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поступить такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казни 1741 года¹⁾, явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствіе разгорѣлось съ вѣщшею силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева; Михельсонъ силится пресѣчь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продолжалъ путь, не смотря на

всевозможныя препятствія, и 3 Мая у Симскаго завода настигъ толпу Башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили на-встрѣчу Михельсону, съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехсотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ, и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева; но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣморѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ, и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ Башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5 Мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-Поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ Верхо-Яицкаго Коменданта, Полковника Ступишина, донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской. Но прошедъ уже

пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго Башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шель уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской; но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннею дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на одни сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости; но узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ, разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 Мая утромъ приближился онъ къ Троицкой, прошедь шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположив-

шагося лагеремъ подъ крѣпостію взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распорядилъ Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но Комендантъ, Бригадиръ Фейерваръ, былъ убитъ наканунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволяютъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣянныя толпы, и стали въ по-

рядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

Михельсонъ, между тѣмъ, шелъ Уральскими горами, по дорогамъ мало-извѣстнымъ. Деревни Башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ еже-часной опасности. Многочисленныя шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 Мая Башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, на-сильно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный Башкирецъ, обласканный Михельсо-номъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о дви-женіи Декалонга. Михельсонъ, нашедъ сіи извѣ-стія сообразными съ своими предположеніями, вы-шелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеж-дѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пуга-

чева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга, и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22 Мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (говорить онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за корпусъ Генераль-Поручика и кавалера Декалонга; но скорѣ удостоверился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него, и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ, и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на

мѣстѣ до шести-сотъ человекъ, въ плѣнъ взялъ до пяти-сотъ, и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. — На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгой выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила заградить свое безчестіе ²⁾.

23-го, Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу; а Декалонгъ, самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ, и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрину.

*

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько Яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27 Мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ ³⁾. Салаватъ, съ новою шайкою, злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагриня и Жолобова, и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ, на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой раздыхъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Черезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавъ, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетасили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ-сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на-удачу, и 2 Іюня отряженный имъ Капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ не много впереди, съ частію своей конницы. Сін распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ,

и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіи шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 5 Юня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ, и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ, Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на челоуѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ запастися всемъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябинѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предво-

дитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую⁴⁾ крѣпость съ лучшею его конницею.— Станиславскій узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибѣсовъ и Маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ ихъ спокойно собирались бунтующіе Башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію Князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ⁵⁾.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура Маіоромъ Поповымъ, двинулся было къ Екатеринбургъ; но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу Маіо-

ра Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадѣялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь Маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18 Юня Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его: но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу, и мостили топкія мѣста. 20-го, снова приступилъ онъ къ крѣпости, и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ

близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подви-
гаемы впередъ людьми безопасными подъ ихъ при-
крытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потре-
боваль сроку на однѣ сутки, и сдался на другой
день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами
и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и
оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, ду-
мая современемъ оправдаться, написалъ обще съ
Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минее-
вымъ, письмо къ Казанскому Губернатору, и но-
силъ при себѣ въ ожиданіи удобнаго случая тайно
его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву.
Письмо было схвачено, Скрыпицынъ и Смирновъ
повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева
Полковникомъ.

23 Іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму, и
пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Вот-
кинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ мучи-
тельно умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ
работники забраны въ злодѣйскую толпу. Ми-
неевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность
Пугачева, совѣтоваль ему итти прямо на Казань.
Распоряженія Губернатора были ему извѣстны.
Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за

успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался, и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а Маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротой гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ жителей были наскоро вооружены. Брантъ и Комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генераль-Маіоръ Потемкинъ начальникъ Тайной Коммисіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился чрезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ Казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева, и 10 Юля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ

города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ,⁶⁾ а отрядъ его разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ Казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ, и возвратился въ лагерь, отложивъ приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михельсона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани. — Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. — Опроверженіе клеветы. — Распоряженіе Михельсона.

12 Юля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рошу и загородный домъ Кудряцова, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не по-

шелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частію безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралася въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты, съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева; влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній Губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ, и кучами ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы), ободряемые Преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ¹⁾. Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы, и бросились въ улицы. Суконщики приняли было ихъ

въ рычаги, въ копыя и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонера. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки, и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ Нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактиръ Гостиного двора, за церквами, у триумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, занимающему ея правый уголъ и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую, поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости, въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолъ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари,

съ крикомъ бѣжали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколько человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ, и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спраши-

вали: кто желаетъ служить Государю Петру Ѳвдоревичу?—Охотниковъ нашлось множество.

Преосвященный Веніаминъ ²⁾ во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, и на колѣнахъ со всемъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы, и не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всемъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи. — Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны, и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но, вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ, съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ Губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло

съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою Маіора Дуве, и 21 Іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли на-встрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки Башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27 Іюня разбивъ на дорогѣ толпу Башкирцевъ и Татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы, и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавъ, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ пятнадцати верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ

пушечную пальбу. Къ полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился чрезъ лѣсъ одною колонною, и вышедъ въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую баттарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ.

Передъ баттареей простиралось болото, чрезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ, какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятели. Михельсонъ взялъ баттарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣлясь на двѣ кучи, пошли — одни на-встрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили баттарей и открыли огонь; другіе старались захватить въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго чрезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь-сотъ человекъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. На-встрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятели: Пугачевъ, узнавъ о мало-

численности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ Губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку, и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отсюда набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15 Іюля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи идти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленные толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже

два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу ихъ съ осмьюстами карбинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу, и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ Казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человекъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣ-

телей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи Дворянства и Духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ Соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ осьми-сотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехъ-сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти-сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился Директоръ Гимназіи, Каницъ, нѣсколько Учителей и учениковъ, и Полковникъ Родіоновъ. Генералъ-Маіоръ Кудрявцовъ³⁾, старикъ сто-десяти-лѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плѣтей и ка-торги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева, съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ; но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: *я ее знаю; мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу* ⁴⁾. Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и, по приговору Военнаго Суда, загнать былъ сквозъ строй до смерти.

Казанское начальство стало пецись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ!

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Свѣтомъ: утверждали, что

Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славы, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро, и какъ неотомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло, и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять, безъ доказательства, стараго, заслуженаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести, и умершаго Главнокомандующимъ Русскими войсками ⁵⁾.

14 Юля прибылъ въ Казань Подполковникъ Графъ Меллинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь

быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому-же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянная на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе известными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письмо Генерала Ступинина. — Намѣреніе Екатерины. — Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Всеволожскаго. — Споры Державина съ Бошнякомъ. — Взятіе Саратова. — Пугачевъ подъ Царицынымъ. — Смерть Астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выданъ Правительству. — Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. — Базисъ вунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремястами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата ¹⁾. Онъ находился въ

Казани военноплѣннымъ, и изъ ненависти къ Россіи, присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ Пасторъ Реформатскаго исповѣданія. Во время Казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный Пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково, и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ-Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань ²⁾.

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 Юля, онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человекъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и Новокрещенные стали убивать Русскихъ Священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отсюда приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли ³⁾. Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ Воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій Губернаторъ, Генераль-Поручикъ Ступининъ, писалъ къ Князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу, и 19 Іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбир-

ску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ. . . .

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія итти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками Правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была: пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу, и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго, съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему: однако вошло съ нимъ въ сношеніе ⁴⁾. Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой; отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ: и каждая имѣла у себя своего Пугачева

Сія горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе, и омрачили радость, произведенную окончаніемъ Турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля, рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ Князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала Сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставитъ спасеніе Отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ Двора и, подобно Бибикову, бывшій въ немилости, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ⁵⁾, самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго Своего подданнаго, и Графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился итти на-встрѣчу Пугачеву, получилъ,

въ своей деревнѣ, повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣцствовалъ мятежь, и надъ войсками туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20 Іюля, Пугачевъ подѣ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной и унтеръ-офицеръ, коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили, и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать Чувашамъ казенное вино; повѣсилъ нѣсколько дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подѣ начальствомъ четырехъ Яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холоповъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку, для задержа-

нія Графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и Графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю; но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита Воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена Графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ посѣшилъ къ Алатырю; мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшася Воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими *не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества*. «А что мы, писали они Ступишину, передъ Богомъ и Всемилоствѣйшею Государынею нашей нарушили присягу, и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ.» Двадцать человекъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не

знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти, развѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго - Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 Юля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ. . . . Триста чело-вѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ Прапорщика Шахмаметева, посаженнаго въ Воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетми подъ всею-лицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса, устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему же на-встрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отпразднить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними; но, получа указъ отъ 8 Іюля, сдалъ начальство Князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему на-встрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ вѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ со своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ Воеводу господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о взятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отраженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Маликовку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизъ-Кайсаками, усилъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Юля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ Гвардіи Поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 Августа Державинъ, обще съ главнымъ судією Конторы Опекунства Колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сечь, по берегу разставить батареи и итти на-встрѣчу

Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но ни кто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому Коменданту ⁶⁾.

4 Августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ на-встрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ Есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обрат-

но къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка 7).

5 Августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехъ-сотъ Лицкихъ казаковъ и ста-пятидесяти Донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти Калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ, холоповъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ Саратовскихъ казаковъ для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ Головою Протопоновымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобъ онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ, какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома, вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ карауль. Купцы пристаи къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба

упала въ пятидесяти саженьяхъ. Онъ обошелъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе: однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ Саратовскимъ баталіономъ, рѣшился продрагаться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ Маіору Салманову выступить съ первою половиною баталіона; но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратился ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человекѣми офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ — пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги. Казну и канпе-

лярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 Августа благополучно прибылъ въ Царницынъ.

Мятсжники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ Коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева, и 9 Августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили въ слѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные Польскимъ конфедератомъ (неизвѣстно кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодуя на его звѣрскую свирѣпость). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирека подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи Полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однакожь прибытіемъ Полковника Обернибѣсова. Фирека наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ, на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики, или ихъ управители ⁸⁾. Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете? Петру Федоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные

люди не смѣли отвѣчать, не зная—какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13 Августа Пугачевъ приближился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ Маіоръ Дицъ съ пятью стами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею Донскихъ казаковъ и пятью стами Калмыковъ, предводительствуемыхъ Князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія; на другой день занялъ Дубовку, и двинулся къ Царицыну.

Въ семъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ Полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21 Августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи Донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ Астронома Ловица, и спросилъ, что онъ за человекъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить *возле къ звездамъ*. Адъютантъ Иноходцевъ, бывшій тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами 2). Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25-го, на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его, и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ

передъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоямъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавъ и перетонули.

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донсеніи своемъ полную справед-

ливость быстротѣ, искусству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лице является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, Государственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но Графъ Румянцевъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ Государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи же войны, Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ Князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ Графомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отрядъ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ Графа Панина предписаніе Начальникамъ войскъ и Губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ запасомъ углубился въ простран-

ную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Мелницъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему на-встрѣчу изъ Астрахани; Князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими Калмыками рыскалъ по степи; разѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали стовариваться, и рѣшились выдать его Правительству.

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились: но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 Сентября они прибыли въ селенія та-

мошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, несогласившіеся отдаться въ руки Правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать, итти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. Что-же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки, и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну,* сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, Илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *вяжи!* Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю до-

рогу Пугачевъ имъ угрожалъ местию Великаго Князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолеть, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но ни кто уже его не слушалъ. Казаки, подѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ Коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій посланы были къ нимъ на-встрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ Гвардіи Капитанъ - Поручику Маврину, Члену Следственной Коммисіи ¹⁰⁾.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. *Богу было угодно, сказалъ онъ, наказать Россію черезъ мое окаянство.*—Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать, и сказалъ: *вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился,*

то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли. Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими Киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ними своего Адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкой городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколенной телѣгѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ

избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулилъ. Въ Коспорѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ Октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.—Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца. — *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ.—Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ.—*Я не воронъ* (возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно), *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ*.—Надобно знать, что Яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ

на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій карауль, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясицы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Команданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія?—Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины.* Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться ¹¹⁾. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадахъ; гвардіи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ, и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще рассказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на

вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмирленнымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Рассказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа ¹²⁾. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ, къ висѣлицѣ; осьмнадцать челоуѣкъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнуть былъ высокій намость. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жесто-

каго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везуть, везуть! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою Поэта и Государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ провожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко:

ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на Соборъ, часто крестился; между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалого роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ, последовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ Соборамъ, потомъ съ утормоленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою . . . прости, народъ православный!* При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтаныя. Тогда онъ сплеснулъ руками, повалился навзничь, и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ ¹³⁾. “

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе, сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокой колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Подуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ. . . Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ; Чикю повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговья казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепель. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую Палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

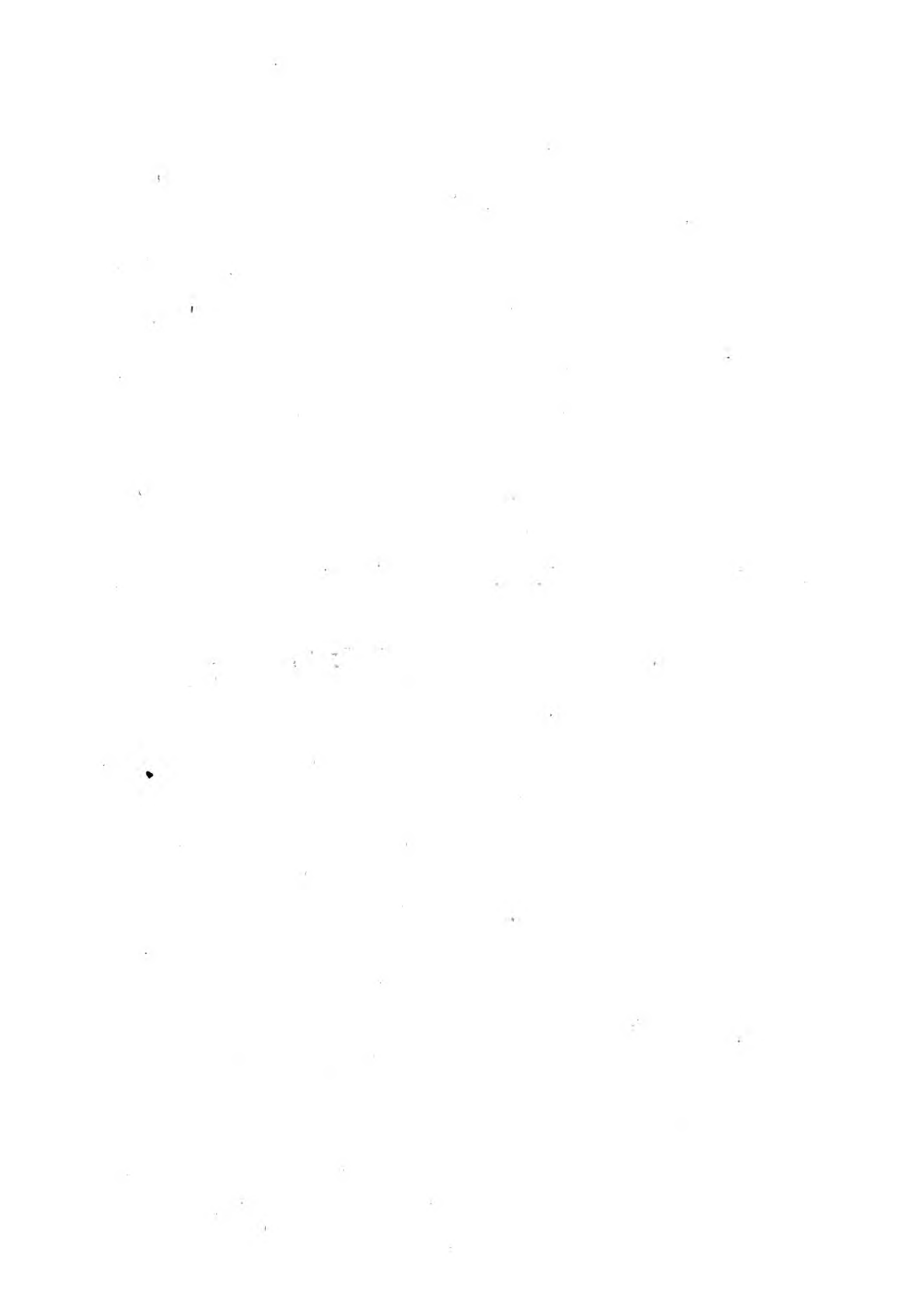
Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившейся по непрости-

тельному нерадѣнію начальства, и поколебавшій Государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиранныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ Уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую — такъ выразительно — прозвалъ онъ пугачевщиною.

ПРИМЪЧАШІЯ

КЪ ИСТОРИИ

ПУГАЧЕВСКАГО БУШТА.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ПЕРВОЙ.

(1) Нѣкоторые изъ ученыхъ Яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками стрѣльцовъ. Мнѣніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи Яицкихъ казаковъ находимъ мы въ *Историческомъ и Статистическомъ Обзорѣнн Уральскихъ казаковъ*, сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія Автора, истинною ученостію и здравой критикою.

„Время и образъ казачьей жизни (говоритъ Авторъ) лишили насъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній о происхожденіи Уральскихъ казаковъ. Всѣ историческія объ нихъ извѣстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, не совсѣмъ опредѣлительныхъ и ни къ чему критически неразобранныхъ.

„Древнѣйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи Станичнаго Атамана Яикскаго, Федора Рукавишникова, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 1720 года (1).

„Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ: 1) Донесеніе Оренбургскаго Губернатора Неплюева Военной Коллегіи отъ

(1) Сіе доношеніе, въ копіи мною найденное въ дѣлахъ Архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, есть то самое, о которомъ говоритъ Рычковъ въ своей *Топографіи*; но онъ Рукавишникова называетъ Брашенишниковымъ. Нѣкоторые, достойные вѣроятія, жители Уральскіе сказывали мнѣ, что Атаманъ сей носилъ обѣ фамиліи. *А.*

22 Ноября 1748 года (2). 2) Оренбургская Исторія Рычкова
3) Его же Оренбургская Топографія. 4) Довольно любопытный
рукописный журналъ бывшаго Войсковаго Атамана Яикскаго.
Ивана Акутина (3). 5) Нѣкоторые новѣйшіе акты, хранящіеся
въ Архивахъ Уральской Войсковои Канцеляріи и Оренбургской
Пограничнои Коммисіи.

„Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи
Уральскихъ казаковъ.

„То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда
причислено; ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на
догадкахъ, ни чѣмъ недоказанныхъ, часто противорѣчащихъ истинѣ и нелѣпыхъ. Такъ напримѣръ, сочинитель примѣчаній на
Родословную Исторію Татаръ Абулгази - Баядуръ - Хана утвер-
ждаетъ, что казаки Уральскіе произошли отъ древнихъ Кипча-
ковъ; что они пришли въ подданство Россіи въ слѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣютъ особливый смѣшанный языкъ,
которымъ говорятъ со всѣми сосѣдними Татарами; что они могутъ
выставить 50,000 вооруженныхъ воиновъ; что городъ Уральскъ
стоитъ въ 40 верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспій-
ское море и пр. (4). Всѣ сіи нелѣпости, которыя не заслужи-
ваютъ опроверженія для Русскихъ, приняты однако жъ въ про-
чихъ частяхъ Европы за справедливыя. Знаменитый Путаен-
дорфъ и Дегинъ внесли ихъ, къ сожалѣнію, въ свои сочиненія (5).

(2) Отпускъ сего донесенія нашель я также въ Архивѣ Оренбургскои
Пограничнои Коммисіи. *Л.*

(3) За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свѣдѣнія, на
которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѣко-
орымъ чиновникамъ Уральского войска. *Л.*

(4) Родословной Исторіи о Татарахъ часть 2-я, глава 2-я, также часть
9, глава 9. *Л.*

(5) Histoire des Huns, et des Tat. liv. 19, chap. 2. *Л.*

„Возвращаясь къ вышеупомянутымъ пяти источникамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою, во всѣхъ видимъ ту главную истину, что Яикскіе или Уральскіе (6) казаки произошли отъ Донскихъ; но о времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь мѣстахъ не находимъ положительнаго и единогласнаго извѣстія.

„Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы, въ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на Яикъ, *можетъ быть, назадъ около двухъ сотъ лѣтъ*, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія.

„Неплюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

„Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ: *начало сего Яикскаго войска, по извѣстіямъ отъ Яикскихъ Старшинъ, произошло около 1584 года* (7). Въ Топографіи же, сочиненной послѣ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе казаковъ на Яикъ случилось въ XIV столѣтіи (8).

„Сіе послѣднее извѣстіе основано имъ на преданіи, полученномъ въ 1748 году отъ Яикскаго Войсковаго Атамана, Ильи Меркульева, котораго отецъ, Григорій, былъ также Войсковымъ Атаманомъ, жилъ сто лѣтъ, умеръ въ 1741 году, и слышалъ въ молодости отъ столѣтней же бабки своей, что она, будучи лѣтъ двадцати отъ-роду, знала очень старую Татарку, по имени *Гугнилу*, рассказывавшую ей слѣдующее: „Во время Тамерлана одинъ Донской казакъ, по имени Василій Гугна, съ 50 человѣками товарищей изъ казаковъ же и однимъ Татаринномъ, удалился съ Дона для грабежей на Востокъ, сдѣлалъ лодки, пустился на оныхъ

(6) Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала. .Л.

(7) Извѣстія объ Уральскомъ войскѣ, помѣщенныя въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году. .Л.

(8) См. Сочиненія и переводы ежемѣсячныя 1762 года, августъ Августъ. .Л.

въ Каспійское море, дошелъ до устья Урала, и найдя окрестности онаго необитаемыми, поселился въ нихъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, шайка сія напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣсахъ трехъ братьевъ Татарь, изъ которыхъ младшій былъ женатъ на ней Гугнихъ (повѣствовательницѣ), и которые отдѣлились отъ Золотой Орды, также разсѣявшейся потому, что Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи, намѣревался напасть на оную. Трехъ братьевъ сихъ казаки побили, а ее Гугниху взяли въ плѣнъ, и подарили своему Атаману.“ Далѣе, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, также повѣствовательница разсказывала—„что мужъ ея еще въ дѣтствѣ слыхалъ о Россійскомъ городѣ Астрахани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней соединилось много Татаръ Золотой Орды и Русскихъ, что они убивали дѣтей своихъ и пр.“

„Продолженіе ея разсказовъ сходно съ тѣмъ, что мы будемъ описывать за истинное; но изложенное сей-часъ начало, не взирая на извѣстную ученость, полезныя труды и обширныя свѣдѣнія Рычкова о Средней Азійи и Оренбургскомъ краѣ, хронологически невозможно, и противно многимъ несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ. Поелику же сія повѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для Исторіи Уральскихъ казаковъ, и поелику она неоднократно повторена въ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ (9), то мы обязанностію почитаемъ войти въ нѣкоторыя, даже скучныя, подробности, для опроверженія оной:

„1. Если Атаманъ Григорій Меркурьевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году: то онъ родился въ 1641, или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, разсказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака Исторію, и слѣдова-

(9) Напр., въ хозяйственномъ описаніи Астраханской губерніи 1809 года; въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр. .I.

тельно умершая не прежде, какъ когда ему было лѣтъ 15, то есть около 1656 года, должна была родиться въ 1556 году, или хотя въ 1550; Гугнику же узнала она на 20 году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положивъ теперь, что Гугникъ было тогда лѣтъ 90, выдетъ, что она родилась въ 1480 году, или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такія происшествія, которыя были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году? (10).

„2. Мужъ Гугника въ малыхъ лѣтахъ слыхалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Яика не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе (11). Извѣстно, что Астрахань взята въ 1554 году (12); и такъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугника и мужъ ея жили въ XVI столѣтіи? Таковое предположеніе ближе къ истинѣ, и, какъ увидимъ сей-часъ, согласно съ прочими извѣстіями о началѣ Уральскихъ казаковъ.

„5. И Гугника, и Рукавишниковъ, и Рычковъ въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самимъ слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласно говорятъ, что Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ. Но во времена Тамерлана, Донскіе казаки еще не существовали, и Исторія нигдѣ намъ не говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даже если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ Азовскими казаками, то и о сихъ послѣднихъ, какъ пишетъ Г. Карамзинъ (13), лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е. слишкомъ чрезъ сто лѣтъ послѣ нашествія Тамерлана.

(10) Исторія Россійская, Г. Карамзина, томъ 5, стр. 144. .Л.

(11) Подлинныя слова Рычкова въ той же 2 главѣ Топографіи. .Л.

(12) Той же Исторіи Г. Карамзина, томъ 8, стр. 222. .Л.

(13) См. Истор. Рос. Государства, томъ 6, примѣч. 495. .Л.

„4. Въ XIV столѣтїи Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-Татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи неприятелей, но даже поселиться между ними, и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ Исторіи нашей, говоритъ: (14) *пока Татары южными Россійскаго Государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ниско не слышно было.*

„Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщенной Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, примемъ первыя ея объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи; дополнимъ оныя свѣдѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникова и Неплюева, и преданіями, мною самимъ собранными на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ Писателей, и предложимъ читателямъ слѣдующее Историческое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.“

(2) О Гугнихъ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.

(3) Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что она сгорѣла во время бывшаго пожара. „Не только сія Грамота, говоритъ Г. Левшинъ, безъ которой нельзя точно опредѣлить начала подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ,

(14) Въ статьѣ *О началѣ и происхожденіи казаковъ*. Сочин. и перев. 1760 года. Л.

Алексѣемъ Михайловичемъ и Θεодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ Яицкой Войсковой Избѣ, была Грамота Царей Петра и Юанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила.“

Съ 1655, то есть съ первой службы Уральскихъ казаковъ противъ Поляковъ и Шведовъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ служили триста казаковъ подъ Чигириномъ. Въ 1683 послано было изъ нихъ 500 человекъ къ Мензелинску, для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ, за что, сверхъ жалованья, деньгами и сукномъ, повельно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами (*). Со временъ Петра Великаго они были употребляемы въ большой части главныхъ военныхъ дѣйствій Россіи, какъ то: въ 1696 подъ Азовомъ; въ 1701, 1703, 1704 и 1707 противъ Шведовъ; въ 1708 году 1225 казаковъ были опять посланы для усмиренія Башкирцевъ; въ 1711 году 1500 человекъ на Кубань; въ 1717 году 1500 казаковъ пошли съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву; и такъ далѣе. (Г. Левшинъ.)

(4) Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что Царскіе Стрѣльцы вѣроятно помѣшали Яицкимъ казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, нынѣшніе Уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова *Разина порода* почитаются у нихъ за жесточайшую брань.

(5) Въ тѣ же времена изъ казаковъ Яицкаго войска пѣкто, по прозванію Нечай, собравъ себѣ въ компанію 500 человекъ, взялъ намѣреніе итти въ Хиву, уповаю быть тамъ великому богатству, и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горъ, называемыхъ пѣнь

(*) Додошеви Неплюева и Журналь Акутина.

Дьяковыми, отъ нынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, основанъ, и по казачьему обыкновению учинилъ совѣтъ, или кругъ, для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать челоуѣка, для показанія прямого и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учинень былъ о томъ докладъ, тогда Дьякъ его, или Писарь, выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное ихъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной незнакомой, провіанта съ ними недовольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малоллюдно. Помянутый Нечай отъ сего Дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что, не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣсить: почему онъ тогда жъ и повѣшенъ, а оныя горы прозваны, и понынѣ именуется *Дьяковыми*.

Отправясь онъ Нечай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда Хивинской Ханъ со всемъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ малыхъ и престарѣлыхъ, никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а Ханскихъ женъ въ полонъ побралъ, изъ которыхъ одну онъ Нечай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По такомъ счастливомъ завладѣніи, онъ Нечай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та Ханская жена, знатно полюбя его Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животь свой спасти, то бѣ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы Ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хога онъ Нечай той Ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а Ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего походу, и видя, что городъ его Хива разграбленъ,

ни мало не мѣшкая, со всемъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Нечаемъ отправился, и чрезъ три дни его настигъ на рѣкѣ именуемой *Сырѣ-Дарьѣ*, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправились, и напалъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся, и многихъ Хивинцевъ побилъ, но напоследокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побить, кромѣ трехъ или четырехъ человекъ, кои ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились, и о его гибели рассказали. Въ ономъ Войсковыхъ Атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы Хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство, за неизвѣстіемъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ Войсковыхъ Атамановъ сказано.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того Яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки *Чагана*, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію *Шамай*, прибравъ себѣ въ товарищество человекъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Нечай, а именно, чтобъ еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Илека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отопедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки *Сырѣ-Дарьѣ*, на степи усмотрѣли двухъ Калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства, и разрывали ямы звѣриныя; ибо тогда около оной рѣки *Сырѣ-Дарьѣ* кочевали еще Калмыки. Захвата сихъ Калмыцкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя Калмыки оныхъ своихъ

ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе Калмыки, озлобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что собравшись многолюдно, скрылись въ потаенное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ Калмыкъ, и приказали, усмотря Яицкихъ казаковъ, рыть землю, и бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, якобы они роютъ звѣриныя жъ ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ подумали, что то еще Калмыцкіе гулебщики роютъ ямы, и сказали о томъ Шамъ, своему Атаману, и потомъ всѣ изъ обозу поскакали за ними. Калмыки отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ самыя мѣста, гдѣ было скрытное Калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на Калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ ударили, и помянутаго Атамана съ нѣсколькими казаками захвата, удержали у себя одного Атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими Калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпусти, требовали оныхъ своихъ Калмычатъ къ себѣ обратно; но Наказной Атаманъ отвѣтствовалъ, что у нихъ Атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ Атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сырь-Дарьи переправлялись, не потрафили, но прошибшись выше угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало. Къ тому же наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой гладь пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіе жъ посылали къ Хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ себѣ взяли, и спасли бы ихъ тѣмъ отъ смерти; почему пріѣхавъ къ нимъ Хивинцы, всѣхъ ихъ къ себѣ и забрали. И такъ всѣ оныя Яицкіе казаки 300 человекъ тамъ пропали. Означенный же Атаманъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, Калмыками привезенъ и отданъ въ Яицкое войско. (*Топографія Оренбургская.*)

(6) Смотри статью Г-на С. *О внутреннемъ состоянн Донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтн*, напечатанную въ *Соревнователь Просвѣщенн* 1824 года. Вотъ что пишетъ Г. Левшинъ о казацкихъ кругахъ: „коль скоро, бывало, получится какой-нибудь указъ, или случится какое-нибудь общее войсковое дѣло; то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ *слолохъ*, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ Войсковой Избѣ, или Приказу (что нынѣ Канцелярн Войсковая); гдѣ ожидаетъ ихъ Войсковой Атаманъ. Когда соберется довольно много народа, то Атаманъ выходитъ къ оному изъ Избы на крыльцо, съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ Есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранн, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву, и кланяются сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки, подходятъ къ Атаману, принимая отъ него приказанн, возвращаются къ народу, и громко привѣтствуютъ оный сими словами: *Помолните, Атаманы молодцы и все великое войско Яицкое!* А наконецъ, объявивъ дѣло, для котораго созвано собранн, вопрошаютъ: *Любо-ль, Атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или поднимаются ропоть и крики: *не-любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если казаки были имъ довольны, то убѣжденн его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась. (*Исторн. и Статист. Обзорнн Уральскихъ казаковъ.*)

(7) Уральское казачье войско также, какъ и всѣ казаки, не платятъ Государству податей; но оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованн выставлять на свой счетъ определенное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ;

а въ случаѣ нужды, всѣ, считающіеся на службѣ, должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ Уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Сакмарской станицахъ. Сіи оба полка, какъ неучаствующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ Уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ Армію; но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ Киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно неслужащіе, выставляютъ на свой счетъ полки въ Армію, и стражу на линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ первая, такъ и вторая служба, несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи Правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ, дѣлается раскладка: на сколько человекъ, считающихся въ службѣ, приходитъ поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ Миссіи нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки, не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные, нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ для себя.—Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейную стражу, самая малая: потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственные дома, скотоводство, мѣну и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны по-видимому несправедливое, потому, что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой сторо-

ны полезно: ибо—1-е, теперь всякой казакъ, выступающій въ походъ, имѣеть возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, чело-
 ловкъ занимающійся промысломъ какимъ-нибудь, или работою, полезенъ для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно итти на службу, которую бы отправлялъ очень неисправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ; а потому и на рыбныя ловли безъ платы ѣздить не могутъ. — (Историч. и Статист. Обзорніе Уральскихъ казаковъ.)

Выписываемъ изъ той же книги живое и любопытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ.

„Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство Уральского войска, и разсмотримъ оное подробнѣе какъ потому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ богатства здѣшнихъ жителей, такъ и потому, что различные образы производства онаго очень любопытны. Прежде же всего замѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно послѣ весенняго половодья дѣлають изъ толстыхъ бревень чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, называемую *уцугъ*, который останавливаетъ и не пускаетъ далѣе въ верхъ рыбу, идущую изъ моря (*).

„Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни одной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго Войсковою Канцелярією, суть:

„1-я, Багренье, раздѣляющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа Декабря, и не продолжается долѣе 25-го; второе начинаютъ около 6 Января, и оканчиваютъ

(*) По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много въ Уралѣ рыбы, что отъ напору оной уцугъ ломался, и ее прогоняли назадъ пушечными выстрѣлами въ берега.

въ томъ же мѣсяцѣ. Багрять рыбу только отъ Уральска верстъ на 200 внизъ; далѣе не продолжаютъ, потому, что тамъ производится осенняя ловля.

„Образъ багренья таковъ: въ назначенный день и часъ являюся на Уралъ Атаманъ багренья (всякой разъ назначаемый Канцелярією изъ Штабъ-Офицеровъ), и всѣ имѣющіе право багрить казаки, всякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну лошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими баграми, коихъ желѣзные острія лежатъ на гужахъ хомута у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною въ 3, 4, иногда въ 12 сажень, тащатся по снѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впереди Атаманъ и около его нѣсколько конныхъ казаковъ, для соблюденія порядка; а за нимъ рядами всѣ выѣхавшіе багрить. Число сихъ послѣднихъ простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; ежели кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста одинъ, то передовые блюстители порядка рубятъ у него багры и збрую.

„Строгая и справедливая мѣра сія невольно удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ коихъ почти у каждаго на лицѣ написано нетерпѣливое желаніе скорѣе пуститься впередъ. Этого мало: даже у лошадей ихъ, приученныхъ къ сему промыслу, въ глазахъ видно нетерпѣніе скакать. Атаманъ, на котораго всѣ взоры устремлены, ходя около саней своихъ, и приближаясь къ нимъ какъ будто для того, чтобъ садиться, и опять отходя, не разъ заставляетъ ихъ ошибаться въ сигналъ; наконецъ онъ дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знакъ, пускаетъ во всю прыть лошадь свою, и за нимъ скачетъ все собравшееся войско. Тутъ уже нѣтъ никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другаго, и горе тому, кто по несчастію вывалится изъ саней. Если онъ не будетъ раздавленъ, чему примѣровъ мало помнать, то легко можетъ быть изуродованъ.

„Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту (*), всѣ сани останавливаются; всякой выскакиваетъ изъ нихъ съ наивозможною поспѣшностію, пробиваетъ во льду небольшой прорубь, и тотчасъ опускаетъ въ него багоръ свой. Картина, представляющаяся въ сію минуту для зрителей съ береговъ Урала, обворожительна! Скорость, съ каковою всѣ казаки другъ друга обгоняютъ; всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по прїѣздѣ на мѣсто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій на льду лѣсъ багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, поднимается съ мѣста, суетится и напирается на багры, опускаемые такъ, чтобы они на нѣсколько вершковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ мѣстѣ, иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ начала багренья, какъ уже вездѣ на льду видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшая на багоръ, столь велика, что одинъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ проситъ помощи, и товарищи его или сосѣды *подбагриваютъ* ему. На каждый день багренья назначается рубежъ, далѣе котораго никто не долженъ ѣхать.

„Послѣ малаго багренья ежегодно отправляютъ отъ лица Войска нѣкоторое количество наилучшей икры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ вѣрнопопданства, издавна существующее, называется *презентомъ*, или первымъ кусомъ. Для ловли такового презента обыкновенно назначается лучшее мѣсто или *етовъ*; и если въ оной набагрять мало, то недостающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи. Если же во время багренья для Двора, поймаютъ рыбы болѣе, нежели

(*) Мѣста сіи называются здѣсь *етовы*, и замѣчаются осенью по множеству рыбы, которая расположившись въ нихъ зимовать, при восхожденіи и захожденіи солнечною на поверхности воды показывается.

нужно, то остальную запрещается нѣсколько времени продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ прежде посланной отъ Войска. Офицеры, съ презентомъ отправляемые, получаютъ денежныя награды отъ Двора на путевыя издержки, на ковшъ и саблю.

„2-я Рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, такъ называемое потому, что въ сіе время попадаютъ почти только однѣ севрюги. Начинается она въ Апрѣль, тотчасъ по вскрытіи льда подѣ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала до моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ промысловъ, назначается день, избирается Атамань, и дается ему пушка, по выстрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки пускаются съ мѣста въ маленькихъ бударахъ, непомѣщающихъ въ себѣ болѣе одного человѣка, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣть свою. Употребляемыя въ сіе время сѣти состоятъ изъ двухъ полотень, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ къ плавающему по водѣ боченку или куску дерева; а другой держитъ казакъ за двѣ веревки. Для привала назначается рубежь, и противъ него на берегу ставка Атаманская, близъ которой всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возвѣщается вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетровъ и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаютъ, по положенію должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-первыхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ слишкомъ дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказываютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

„3-я *Осенняя плавня*, начинающаяся 1 Октября, оканчивается въ Ноябрь; имѣетъ то отличіе отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употребляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. спле-

тенныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы черпають (*); во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей сихъ, *ярыгами* называемыхъ, находятся два человѣка въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начинають осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подѣ начальствомъ особаго Атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или ярыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣть меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ Атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или, говоря языкомъ казаковъ, дѣлають другой *ударъ*.

„Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багренья, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря (**).

„4-я, *Неводами*; начинаютъ ловить зимою, также по назначенію Канцеляріи; но не собраніемъ, а по одиначкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подѣ льдомъ на шесть, который направляютъ, куда хотять, посредствомъ прорубовъ.

„5-я, Рыболовство *Аханное* или *Аханами*, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины Декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ онаго раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить, участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому казку отводится равное пространство на опредѣленное число Ахановъ, опредѣленной же мѣры. Чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

(*) Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.

(**) Каждый казакъ имѣетъ при семъ ловѣ у себя работника. За полутора или дву-мѣсячные труды долженъ онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.

„Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи, и придерживается на обоихъ краяхъ и на срединѣ тремя веревками или петлями, для коихъ дѣлаются три проруба, и въ кони вдѣваются палки или шестики, на льду надъ прорубами лежащія.

„Установленные такимъ образомъ Аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходить къ нимъ, за средину подымать каждый изъ средняго проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, *наслушивалъ*, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ; но, недопуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багренымъ промышленникамъ.

„6-я, *Курхайской* ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморьѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сіи сѣти, снимаютъ въ лодки, на коихъ развѣзжаетъ промышленникъ около своихъ снастей.

„7-я, Ловъ крючками, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

„О ловѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію высшаго Начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чалкажскомъ озерѣ или по здѣшнему морцѣ, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизской степи находящемся.

Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбица, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, головли. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторыя чѣмъ больше, тѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренье не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяетъ сберегать рыбу иначе, какъ посоливъ ее.

Соль казаки Уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы въ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Эмбы лежащихъ. Есть также и около Узеней небольшія соленыя озера.

(8) Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ Калмыковъ обязаны мы Отцу Іакинѣу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь сообщенный имъ отрывокъ изъ неизданной еще его книги о Калмыкахъ:

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Убаши* и *Сэрынъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія Держава, по покореніи Чжунгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагтаѣ оставила слабыя гарнизоны, которые соединенными силами легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрезъ земли Киргизъ-Казакъ тѣмъ менѣе предполагали опасности, что сіи хищники, отважные предъ купеческими караванами, всег-

да трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнинъ Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсемъ противное: ибо встрѣтились такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

Чжунгарское Ойратство на Востокъ, нѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже не существовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, считались бѣглецами, коихъ Россійское Правительство преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагу останавливать ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Торгоговъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности (*), и также предписало Казакамъ и Кѣргызцамъ не допускать ихъ проходить пастбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Кѣргызецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣвшимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Яицкіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нурали, Ханомъ Меньшой Казачьей ор-

(*). Китай содержитъ въ *Чжунгаріи* охранныхъ войскъ не болѣе 35.000, которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Кашгара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Улясутая на пространствѣ не менѣе 7000 верстъ: почему пограничное Китайское Начальство въ Чжунгаріи не могло спокойно смотрѣть на приближеніе Волжскихъ Калмыковъ.

ды: но, за недостаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переписокъ, требовавшихъ довольнонаго времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нурали: во Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на Югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только нѣсколько времени и то издали тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были итти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ повернуть на Сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію (*).

Но Киргизъ-Казакъ, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханы: Нурали въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Большой Ордѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ непрерывно сражаться, защищая свои семейства отъ плѣна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Кэргызцы (Буруты) довершили несчастіе Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхати, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

По перенесеніи неимоверныхъ трудностей, по претерпѣніи безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приблизились къ вожделѣннымъ предѣламъ древней ихъ отчизны: но здѣсь новое несчастіе представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерей своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно.

(*) См. Опис. Кирг-Байс. Ордъ и степей Г. Левшина, Ч. II, стран. 256.

Онѣ вышли изъ Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ конхъ считалось около 169,000 душъ обоего пола. При вступленіи въ Или изъ помянутаго числа осталось не болѣе 70,000 душъ. (*) Калмыки въ теченіи одного года потеряли 100,000 человекъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ плѣнъ, и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ челолюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же размѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ	1,125,000 гол.
Кирпичнаго чаю	20,000 мѣс. (**)
Пшеницы и проса	20,000 чет.
Овчинъ	51,000
Бязей (***)	51,000
Хлопчатой бумаги	1,500 пудъ.
Юртъ	400
Серебра около	400 пудъ.

Осенью того же года *Убаши* и *Князя Цебокъ - Дорцзи, Сэ-*

(*) Такъ показалъ Китайскому Правительству *Убаши* съ прочими *Князьями*. Въ книжкѣ: *Си-юй-Винь-цзянь-лу* число бѣжавшихъ изъ Россіи Калмыковъ увеличено. Ошибка сія произошла отъ того, что сочинитель помянутой книжки писалъ свои записки по сказаніямъ простыхъ Калмыковъ. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркист., стран. 186 и сл.

(**) Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плитокъ чай, изъ конхъ каждая вѣситъ около 3½ ф.

(***) *Бязю* въ Туркистанѣ называется бѣлая бумажная ткань, которая бываетъ неодинакой мѣры.

рынъ, Гунгэ, Момынту, Шара-Кэукынъ и Цилэ-Мупиръ препровождены были къ Китайскому Двору, находившемуся въ Жехэ. Сии Князья, кромѣ *Сэрына*, были ближайшіе родственники Хана *Убаши*, потомки *Чакдоръ-Чжаба*, старшаго сына Хана *Аюки*. Одинъ только *Цебокъ-Дорцзи* былъ правнукъ *Гунъжаба*, младшаго сына Хана *Аюки*. *Убаши* получилъ титулъ Чжорикту Хана; а прочимъ Князьямъ, въ томъ числѣ и остававшимся въ Или, даны разные другіе Княжескіе титулы. Сии Владѣльцы при отъѣздѣ изъ Жехэ осыпаны были наградами; по возвращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ *Торготовъ* размѣщены въ *Тарбагатай*, или въ *Хуръ-хара-усу*, а *Убаши* съ четырьмя дивизіями *Торготовъ* и *Гунгэ* съ *Хошотами* поселены въ *Харашаръ* по берегамъ Большаго и Малаго Юлдуса (*), гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ Китайскихъ чиновниковъ (**). Калмыки, ушедшіе въ Китайскую сторону, раздѣлены на 15 дивизій.

Россійское Правительство отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россією и Китаемъ договора, обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрына*, ушедшаго изъ Чжунгаріи на Волгу, для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

Впрочемъ Волжскіе Калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году получены съ Китайской стороны разныя извѣстія, что Калмыки намѣреваются возвратиться изъ Китайскихъ владѣній, и по преж-

(*) Въ Вост. Туркистанѣ отъ Или на Юго-востокъ.

(**) Возвращеніе *Торготовъ* изъ Россіи въ Чжунгарію описано въ *Синъ-цзиль-чжи-лао*: начальной тетради на лист. 51—56.

нему отдаться въ Россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано было Сибирскому Начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первый случай въ Колыванской губерніи (*).

Но кажется, что Калмыки, бывъ окружены Китайскими караулами и лазутчиками, и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, не имѣли никакой возможности къ исполненію своего намѣренія.

(9) Полевая команда состояли изъ 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были Губернскими баталіонами.

(10) Уметъ, постоянный дворъ.

(*) См. Полн. Собр. Росс. Зак. Т. XXIII, № 16,937.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ВТОРОЙ.

(1) Пугачевъ, на хуторѣ Шелудякова, косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевки его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.

(2) Мальковскихъ Управительскихъ дѣлъ Земскій Трофимъ Герасимовъ, и Мечетной слободы Смотритель Федотъ Фаддеевъ, и Сотникъ Сергій Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семень Филипповъ былъ въ Яицкѣ за покупкою хлѣба, а ѣхалъ оттуда съ раскольниковъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на *рѣку Лобу*, къ Турецкому Султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человѣка, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ ихъ Паша де дастъ имъ до 5 милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ Комендантскую Канцелярію, но онъ-де скрылся, и находится вѣроятно въ селѣ Мальковкѣ.

Въ слѣдствіе сего вышедшій изъ-за Польской границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту пашпортомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу, раскольникъ Емельянъ Ивановъ былъ найденъ и приведенъ ко Управительскимъ дѣламъ Выборнымъ Митрофаномъ Федоровымъ, и Филаретова раскольничьяго скита инокомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы

Степаномъ Васильевымъ съ товарищи,—оказался *подозрителенъ, битъ кнутомъ*; а въ допросѣ показаль: что онъ Зимовейской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказался вышедшимъ изъ Польши; и въ Августъ мѣсяцъ, высидѣвъ тутъ 6 недѣль въ карантинѣ, пришелъ въ Яицкъ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ Султану, и встрѣчъ Пашею и 5 мил. не говариваль,—а имѣль-де онъ намѣреніе въ *Симбирскую Провинціальную Канцелярію* явиться, для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Ир-гизѣ. По резолюціи Дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками Мальковскими, а сообщено сіе въ Коменд. Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 Декабря 1772. (*Промеморія отъ Дворцовыхъ Мальковскихъ дѣлъ въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, Декабря 18, 1772 года, поданная Смотрителемъ Иваномъ Разторгуевымъ.*)

Крестьянинъ Семень Филиповъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, велѣно было его освободить и сверхъ того о награжденіи его Филипова, яко доносителя въ Мамыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. (*См. Сентенцію 10 Января 1775 года.*)

(3) „Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетми и послать, такъ какъ бродя-

гу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пельмъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 Мая 1773.“
(Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова.)

(4) Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

(5) Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.

(6) Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались Киргизцы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка, а въ 101 отъ Оренбурга.

(7) Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ (уѣздъ) Оренбургскій, и Яицкой городокъ со всеми форпостами и станицами, до самаго Гурьева, также и Бугульминская Земская Контора. Исеткая провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію, и уѣзды Исетской, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція—уѣзды Осинскій, Бирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами Провинціальныхъ Воеводъ. (См. Бишинга и Рыкова.)

(8) Ставропольская Канцелярія вѣдала дѣла крещеныхъ Калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской Губерніи.

(9) Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика — Память Капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

Изъ крѣпости изъ Зерной,
 На подмогу Разсыпной,
 Вышелъ Капитанъ Суринъ
 Со командою одинъ, и проч.

(10) Незвѣстный Авторъ краткой исторической записки: *Histoire de la revolte de Pougatschef*, рассказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit épousé depuis quelques semaines, la fille du Colonel Ielagin, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse au desespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme verse un torrent de larmes, embrassa de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. Авторъ находитъ тутъ невѣроятности и пускается въ разсужденія. — Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовня; но вообще вся записка замѣчательна, и вѣроятно, составлена дипломатическимъ Агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

(11) Крѣпость Татищева, при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи и названа отъ него Камышъ-Самарою. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: *Татищева пристань*. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.

(12) Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

(13) Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 в. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

(14) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова отъ 6 Октября 1773 года. (*Изъ Оренбургскаго Архива.*)

(15) Повѣшены два курьера, ѣхавшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капраль, толмачъ— Татаринъ, старый садовникъ. нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и звавшій Государя Петра III, да приказчикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ТРЕТЬЕЙ.

(1) См. Приложенія, I.

(2) Журналь осады, веденный въ Губернаторской Канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи Академика Рычкова. Читатель найдетъ ее въ Приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ Гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.

(3) Билевъ выступилъ изъ Оренбурга 24 Сентября. Въ этотъ день Губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

(4) Сержантъ сей назывался Иванъ Костицынъ. Участь его неизвѣстна. Его допрашивалъ Подполковникъ В. Могутовъ.

(5) См. Приложенія, III.

(6) Въ донесеніи Мальковской Земской Конторы сказано о Пугачевѣ: *оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ*. См. въ Примѣчаніяхъ на II главу примѣчаніе 2.

(7) Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣщенный, писалъ Мартемьяну Бородину, увѣщевая его покориться Пугачеву: „А „нынѣ вы называете его (Самозванца) Донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рванья и клейменой. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не „имѣется.“

(8) По совѣту одного изъ чиновниковъ (говорить Рычковъ).

(9) Мѣновъ дворъ, на которомъ съ Азіатскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построень на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная Таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да анбаровъ 140. Внутри же построень особь дворъ для Азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 анбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,854 рубля. Мѣновъ дворъ укрѣпленъ батареями. (*Топографія Оренбургской Губерніи.*)

(10) Der kläglichsste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich Ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann, würde mir nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 (*) Rebellen macht ganz Orenburg zittern — — — Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Comando worauf ich mich verlasse, durch die Gnade des Höchsten, haben wir 12 Spions aufgefunden etc. (*Письмо Рейнсдорна къ Гр. Чернышеву отъ 9 Октября 1773.*)

(11) Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухъ-сотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего Атамана и особыхъ Старшинъ.

(12) Въ городѣ убито 7 человекъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.

(*) Рейнсдорнъ въ семь числѣ не считаетъ Башкирцевъ.

(13) Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ во время бури сбился съ дороги и въѣхалъ въ Оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки Правительства.

(14) Слышано мною отъ самаго Дмитрія Денисовича Пянова, донинѣ здравствующаго въ Уральскѣ.

(15) Кажется Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу—Москвою, деревню Каргале—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Кіевомъ.

(16) Такъ пишетъ Каръ въ письмѣ къ Графу Чернышеву отъ 11 Ноября 1773.

(17) Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человѣку предприимчивому и смышленому. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наслѣдниковъ суть донинѣ одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.

(18) Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.

(19) То есть, Депутатъ въ Комисіи Составленія Нового Уложенія. Депутатовъ было 652 человѣка. Имъ розданы были, для ношенія въ петлицѣ, на золотой цѣпочкѣ золотыя овальныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго Е. И. В. ияни, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: *Блаженство каждаго и всѣхъ*; а внизу: *1766 годъ, Декабря 14 день*.

(20) Изъ сего Калмыцкаго Полковника сдѣлали Капитана Калмыкова.

(21) При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый наѣздникъ принялъ Оренбургскихъ казаковъ за своихъ, и подскакалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ; Пугачевъ, нѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцемъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три человека подѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его (Пугачева), и обѣщали за то 500 рублей награжденія. Они отѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ, и умеръ дней черезъ пять.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ЧЕТВЕРТОЙ.

(1) У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхояицкой до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить линейныя крѣпости безъ обороны.

(2) Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился Командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-кочующихъ ордъ.

(3) Корѣвъ, послѣ сраженія 14 Ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга, и съ обѣщаніемъ выдти къ нему на-встрѣчу. Пугачевъ осторожно подѣзжалъ къ Оренбургу, и усомнясь въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.

(4) Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силой оружія, пустился въ полемику не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: *Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему челоуку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву.* Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога. „Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщеваніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и

сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божию не перемудришь. Вѣдай, мошенникъ: извѣстно (да и по всему, тебѣ, бестія, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всееквернаго щастія, однако щастіе ваше служить единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станетъ петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ (возьмемъ), да на тебя веревку свить можемъ; не сумнѣвайся, мошенникъ, изъ б. . . сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, оставя свое невредіе, придти къ нашему чадолубивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ *извиненіяхъ* всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишитъ; а здѣсь не безызвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объявля вамъ сіе, да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года.“

(5) Я не имѣлъ случая читать эту Рѣчь. Помѣщаемъ писъмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу.

„Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Непобѣдимая Императрица!

„Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода Казанскаго Дворянства еиміамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возыграло сердце о толикомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей

и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъ-явилъ усердіе свое Отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даяніемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ Тобою; се щастіе наше, се восхищеніе душъ нашихъ!

„Но Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обикнуть соизволили взирать на малые зна-ки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоутробія Своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя; осіявая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ сво-имъ челоуѣколюбіемъ милуете; а потому конечно и сильное даяніе долга нашего, собственно самимъ же намъ нужное, Ваше Императорское Величество, толь милостиво и благоугод-но отъ насъ пріять соизволили.

„Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ, Ваше Им-ператорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Чтожъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? не милосердіе ли одно? За то мы похва-лу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кромѣ особливья, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослу-житель, что онъ всенародно Бога молить? Кромѣ неописанныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотятъ защищать свое Отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Пепель предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Глазъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины, могло возникнуть зло сіе; кровь братій нашихъ, еще дымящая-ся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Чтожъ мы медли-ли? Чего давно недоставало намъ, дабы совокупно поставить грудь

свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чегожь недоставало? не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе; умремъ,—кто не имѣеть мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

„Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей, сколь ни жарко рвеніе сердецъ нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, есдибъ Ваше Императорское Величество не ускорило войсками своими въ защищеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превоскоительства Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежели бъ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носящагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблющіяся въ вѣрности Богу, Отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣеть разбирать людей и употреблять ихъ во благовремяніи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее провищаніе; на сей случай здѣсь надобенъ Министръ, воинъ, судія, чтитель святыхъ Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ, любомудрой душѣ Твоей восписуемъ благодареніе.

„Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашему Императорскому Величеству крайнія чувства искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ и намъ любезнымъ, кадило сердце нашихъ за благоволенія Твои; уже мы слышимъ новый гласъ, новыя отъ Тебя радости новаго намъ Твоего великодушія и снисхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ богольпія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, снисходишь и именуешься нашею *Казанскою Помѣщицею!* о радости для насъ неизглаголанной, о щастіи для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се преславное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ. Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты болѣе, тѣмъ Ты величественнѣе.

„И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего; однако Высочайшую волю Твою разверстимъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучіемъ, начертаваемъ неоцѣненные слова благоволенія Твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя, надѣемся.

„Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовь къ намъ, за сіи Твои несказанныя

намъ благодѣнія? Наполняемъ сердца наши токмо вянущимъ воспламененіемъ искоренить изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подастъ Онъ намъ въ томъ свою помощь, а Вашему Императорскому Величеству, истинной Матери Отечества, съ любезнымъ Вашего Императорскаго Величества Сыномъ, съ сею безцѣнною надеждою нашею и съ дражайшею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, многія лѣта благоденствія.“

(6) Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

(7) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву отъ 24 Января 1774 года.—5 Января того же года писалъ онъ къ Философову: „Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, ибо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями развѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ, и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ утрашеніемъ, и глупая чернь охотно на обольщеніе злодѣйское бѣжитъ на встрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о моемъ по тому положеніи. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки, и только что рапорты страшныя присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжнѣй, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаеть злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться,

все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ, обратитъ все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу, и проч.

(8) Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

(9) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву.

(10) Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе Государства на губерніи и провинціи.

(11) Въ 1774 году уведено въ плѣнъ Киргизцами до 1380 человѣкъ.

(12) См. въ Запискахъ Храповицкаго (въ 1791 году) весьма любопытный разговоръ Государыни о Густавѣ III.

(13) См. Переписку Вольтера съ Императрицею.

(14) Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ Военную Коллегію.

Описаніе извѣстному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, узнанное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

1. Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2. Отецъ его родной, былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками, (*) еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донныѣ не вырастаютъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмѣнный, величиною съ двукопѣечникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣетъ желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была клиномъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божию ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ приобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Ѳедора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ 10, и съ которымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армию, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значить, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домѣ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутѣ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ;—а послѣ сего

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него проис-

(*) Техническій терминъ у кулачныхъ бойцевъ, значить ударъ по челюстямъ.

ходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8. 775 Года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подь окошко, котораго она и пустила; но тогожь самага часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повели къ станичному Атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомянуть, а оттуда въ Черкасской; но не довеза однакожь до онаго, въ Цымлянскоѣ станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперъ находится, не вѣдаетъ.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, по что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотѣ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтymi признанія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейскоѣ станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Фѣдоромъ Григорьевымъ, по прозванію Брыкалинымъ, а вторая Фѣдосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Прусакъ Синомомъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казакскому, а иностраннаго языка никакого не знаетъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгѣ мужа (что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на сломъ, который его въ ту Есауловскую станицу по сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою паки въ Зимовейскую станицу перевезень и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожжень; а хуторъ ихъ, состоящій также не-подалеку Зимовейской станицы, сожжень же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ, Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнить, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ, и послѣ жъ котораго остались и теперь живыѣ находятся, дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитріева, въ замужествѣ Есауловской станицы за казакомъ Ѳомою Андреевымъ, по прозванію Пилюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ 8-й годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василиса Дмитріева, въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Ѳедоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности. —

Прилагаю не менѣ любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ отставнаго казака Трофима Ѳомина:

„ Въ 1771 году, въ Февраль мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкасскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ:

на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости коннаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго Командира. Пугачевъ и поѣхалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ, и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василіемъ Кусачкинымъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣжали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. По чему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкасскъ Прусака съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ, и содержался подъ карауломъ. Намѣрень былъ я его, какъ праздношатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей, Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъ-подъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкасскъ. Когда его провели, увидя по подорожной, что посланъ онъ былъ въ колодку, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева росписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.“

За неумѣніемъ грамотѣ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ.

(15) Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сѣмь пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ, и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсемъ такъ; самозванецъ, являясь, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.

(16) Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; не смотря на то, Исторія Пугачевского возмущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ, но сочинитель довель свой разсказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: *Михельсонъ въ Казани*, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо Архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ приобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ въ своемъ Историческомъ и Статистическомъ обзорѣнн Уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизодъ царствованія Екатерины мало еще извѣстенъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ПЯТОЙ.

(1) Крещеные Калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на Оренбургскихъ и Ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его Оренбургской Топографіи) подробное о нихъ извѣстіе.

(2) Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастье освободить около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ отъ Киргизовъ. Державинъ написалъ свои Записки, къ сожалѣнію, еще неизданныя.

(3) Бунтовавшіе Башкирцы жестоко усмирены были Генералъ-Лейтенантомъ Княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Сила, счастливымъ, ибо все ему удавалось.

(4) См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ фонъ-Визину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами, доставлено было, родственниками и наследниками фонъ-Визина, Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей Автора Недоросля. Надѣмся въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всѣмъ отношеніямъ сочиненіе.

(5) Малолѣтокъ, недостигшій 14-ти-лѣтняго возраста.

(6) Илецкая Защита находится отъ Оренбурга въ 62 верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная Илецкая соль. „Добываніе оной соли, пи-

шетъ Рычковъ: „уже издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ Башкирцевъ, а потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилось, но о построении сей крѣпости опредѣленіе учинено уже въ прошломъ 1753 году Октября 26 числа, по состоявшемуся въ Правительствующемъ Сенатѣ того жъ 1753 года Мая 24 числа указу, коимъ въ Оренбургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ учредить казенные соляные магазины, и продажу Илецкой и Эбелейской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ по 35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное Правленіе въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогда подрядчикъ, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Алексѣй Углицкой, обязался той соли заготовлять и ставить въ Оренбургской магазинъ четыре года, на каждой годъ по пятидесяти тысячъ пудъ, а буде понадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пудъ, своимъ коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 годъ лѣтомъ построить тамъ своимъ же коштомъ, по указанію отъ Инженерной команды, небольшую защиту оплотомъ съ батареями для пушекъ, тутъ же сдѣлать нѣсколько покоевъ и казармъ для гарнизону, и провіантской магазинъ, и на всѣ жилые покои въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а провіантъ, сколько бъ тамъ войсковою команды ни случилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ подводахъ, что все и учинено, и гарнизономъ опредѣлена туда изъ Алексѣевского пѣхотнаго полка одна рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаямъ и болѣе военныхъ людей командируемо бываетъ, для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добываніи той соли людей (коихъ человекъ ста по два и болѣе бываетъ) имѣется тамъ церковь и Священникъ съ церковными служителями.—(*Топографія Оренбургская*).

(7) Тоцкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сороки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кириловѣ, въ 1736 году.

—Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Топкой.

(8) Крѣпость Новосергѣевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при Тайномъ Совѣтникѣ Татищевѣ, подъ именемъ *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюевѣ въ Новосергѣевскую.

(9) Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховьѣ рѣки Самары.

(10) Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étoient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venoit de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements.— (*Histoire de la révolte de Pougatschef.*)

(11) Бибиковъ въ письмѣ отъ 26 Марта:

„Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ; убито 12 офицеровъ, ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Кошелевъ (*) тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ и пишетъ, что не опасно.“

(*) Р. А. Кошелевъ, въ послѣдствіи Оберъ-Гофмейстеръ.

(12) Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали за-одно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.

(13) Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не билъ монету съ изображеніемъ Государя Петра III, и съ надписью *Redivivus et ultor* (какъ увѣряють иностранные писатели). Безграмотные и полу-грамотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя, Латинскія надписи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

(14) *La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poudre de farine coutoit déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. — (Письмо Рейнсдорна къ Кн. Голицыну, отъ 24 Марта 1774.)*

(15) Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая въ сей Исторіи, находится въ 20 верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени Казанскаго Татарина Сеита-Хаялина, перваго, явившагося въ Оренбургскую Канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Въ Сеитовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

(16) По своемъ разбитіи, Чика съ Ульиновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдиплавленномъ заводѣ.

Приказчикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей приказчиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.

(17) Въ Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: „Не ты-ли, мое дѣтище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“ И видя лице незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

(18) Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи (*Оборона Яицкой крѣпости отъ партиі мятежниковъ*), напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свинына. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достовѣрности въ офиціальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носить драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.

(19) Слова сіи сохранены Державинымъ въ Одѣ его на смерть Бибикова. — Последняя строфа должна была быть вырѣзана на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
 Совѣта мужъ, любитель Музъ,
 Отечества подпора тверда,
 Блюститель Вѣры, правды другъ;
 Екатериной чтимъ за службу,
 За здравый умъ, за добродѣтель,
 За искренность души его.
 Онъ умеръ, тронъ обороняя:
 Стой, путникъ! стой благоговѣнно.
 Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

(20) Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

(21) Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написать о немъ слѣдующія строки:

„Посвятивъ краткую, но наполненную славными дѣянїями жизнь свою на службу Отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ вспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

„Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего примѣрнаго Государственнаго человѣка, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предъусмотрѣніе, предприимчивость и расторопность, такъ, что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей, съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показавъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученїяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій Генераль, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проникательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услугамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ непоколебимъ; любилъ Словесность, и самъ весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ;

знавъ Нѣмецкій и Французскій языкъ, и не задолго предъ смертію выучилъ и Англійскій; умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важною своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи. Важность не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и высшій чиновникъ его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ Престола и къ спасенію Отечества соверша, кончиною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожалѣнію всей Имперіи, тогда пресѣкшуюся.“

ПРИМЪЧАНІЯ
къ Главѣ Шестой.

(1) См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

(2) Histoire de la révolte de Pougatschef.

(3) Троицко-Саткинской заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

(4) Зелаирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта (передъ Пугачевскимъ).

(5) Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ говоритъ, что Князь Щербатовъ, Князь Голицынъ и Брантъ перессорились, другъ къ другу не пошли въ команду, дали скопиться новымъ людѣйскимъ силамъ, и разстроили начало побѣды.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ГЛАВЪ СЕДЬМОЙ.

(1) Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ ворвался въ городъ измѣною суконщиковъ. Слѣдствіе доказало, что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣдніе бросили оружіе, и уступили превосходной силѣ.

(2) Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ изъ мятежниковъ (Аристовымъ), и нѣсколько времени находился въ немилости. Императрица, убѣдясь въ его невинности, вознаградила его саномъ Митрополитскимъ, и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

„Пресвященнѣйшій Митрополитъ,

Веніаминъ Казанскій!

„По прїездѣ Моемъ, первымъ попеченіемъ было для Меня, разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а Я съ отѣннымъ доброжелательствомъ есмь

ЕКАТЕРИНА.“

Отвѣтъ Веніамина Митрополита Казанскаго.

„Всемилоствѣйшая Государыня!

„Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣльмъ Свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему Престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависить; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и челоуѣчества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и отъяся поношеніе мое, поношеніе мое въ челоуѣцхъ. Чтожъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ Свѣтъ Монархиня, толико попечительному о спасеніи моемъ Господеви? Истощеніе всей дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довѣдетъ; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить не престану день и ночь, да сохранить дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моею до позднѣйшихъ челоуѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспослетъ съ высоты святыя своея на вѣнцевосную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ преводельнаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, Держава и Престоль Вашъ яко дніе неба. Съ таковымъ моимъ усердствованіемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудеть, есмь

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ,

смиранный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій.“

(3) Генералъ-Маіоръ Неѣдъ Никитичъ Кудрявцевъ, сынъ Никиты Алѣерьевича, пользовавшагося довѣренностію Петра Великаго, въ чинъ Поручика гвардіи Преображенскаго полка, участвовалъ въ первомъ Персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу Турковъ и Татаръ, а при Императрицѣ Елисаветѣ противу Пруссаковъ; вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екатеринѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ. *(Извлечено изъ неизданнаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.)*

(4) Такъ говоритъ Авторъ Исторической Записки, *Histoire de la révolte de Pougatschef*; въ официальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достоверно однакожъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 Августа 1774 года.

(5) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Генералъ отъ кавалеріи и Главнокомандующій Молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началѣ славной службы своей, Князь Варшавскій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранялъ юношескую живость, любилъ воинскія опасности, и еще посѣщалъ передовыя перестрѣлки.

ПРИМЪЧАНІЯ

къ Главѣ Осьмой.

(1) Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный дерзкимъ покушеніемъ на особу Короля Станислава Понятовскаго; меньшой съ 1772 года находился въ плѣну, и жилъ въ домѣ Губернатора, которымъ былъ онъ принятъ, какъ родной.

(2) Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, Доктора и Профессора Медицины при Казанскомъ Университетѣ, чловѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.

(3) Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ обѣщаль онъ утроить, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя 5 лѣтъ.

(4) За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношенія Перфильева съ Правительствомъ (обстоятельство вовсе неизвѣстное) обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку Капитана гвардіи, на коего Правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.

(5) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Генералъ-Аншефъ, орденъ Св. Андрея и Св. Георгія первой степени кавалеръ, и проч., сынъ Генералъ - Поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началь службу свою подъ начальствомъ Фельдмаршала

Графа Миниха; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семи-лѣтней войны служилъ Генераль-Маіоромъ, и былъ главнымъ виновникомъ успѣха Франкфуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ Сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ Второй арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ удивленія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

(6) См. Приложенія, II.

(7) Показанія казаковъ Омина и Лепелина. Они не знаютъ имени гвардейскаго офицера, съ ними отряженнаго къ Петровску; но Бошнякъ въ своемъ донесеніи именуетъ Державина.

(8) Въ то время изданъ былъ списокъ (еще не весьма полный) жертвамъ Пугачева и его товарищей; помѣщаемъ его здѣсь:

Описаніе, собранное понынѣ изъ вѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцевъ и бунтовщиковъ Емелькою Пугачевымъ и его злодѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ показаніемъ, кто именно въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городъ Казани:

Ворвавшись они въ городъ, и входя во храмы Божіи въ шапкахъ, съ оружіемъ, грабили и выгоняли укрывающихся тамъ людей;

А и м е н н о:

Въ Казанскомъ Богородицкомъ Соборѣ,
— Владимірскомъ Соборѣ,

Въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ,
 — церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольскаго,
 — церкви Николая Чудотворца, именуемаго Низкаго,
 — церкви Живоначальныя Троицы,
 — церкви Воскресенія Христова,
 — церкви Варламія Хутынскаго,
 — церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія,
 — церкви Вознесенія Господня,
 — церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы,
 — церкви четырехъ Евангелистовъ,
 — церкви Алексѣя челоуѣка Божія,
 — Троицкомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ,
 — церкви Рождества Пресвятыя Богородицы,
 — Петропавловскомъ Соборѣ, не могли отбить дверей, стрѣ-
 ляли съ паперти въ окошки;

Въ городѣ Цывилъскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы.

Въ Чебоксарскомъ уездѣ, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Срѣтенскомъ,
 — селѣ Богоявленскомъ,
 — селѣ Успенскомъ,
 — селѣ Введенскомъ.

Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали, но и свя-
 тые иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То же самое дѣлали Пензенской провинціи:

Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Богородицы,
 — селѣ Чардымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губерніи, въ Арзамасскомъ уездѣ:

Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

Алатырскаго уезда:

Въ селѣ Сутяжномъ, въ приходской церкви,

Въ селѣ Семеновскомъ, въ приходской церкви,
— городѣ Курмышѣ, въ соборной церкви Николаевской и
Троицкой.

Курмышскаго уѣзда, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Шуматовѣ,
— селѣ Шумшевашахъ,
— селѣ Большихъ Туванахъ,
— селѣ Алменевѣ,
— селѣ Усѣ.

Воронежской губерніи, въ Нижнемъ Ломовѣ:

Въ Богородскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Оренбургской губерніи:

Въ Оренбургскомъ предмѣстїи, въ церкви Георгіевской,
На Мѣновомъ Дворѣ, въ церкви Захарїа и Елисаветы, святыя
иконы вынуты изъ мѣстъ своихъ и повержены на землю, и нѣ-
которыя расколоты.

Въ загородномъ Губернаторскомъ домѣ, въ церкви Святаго
Іоанна Предтечи тожъ учинено.

Въ Сакмарскомъ городкѣ,
— Татищевой крѣпости,
— Разсыпной крѣпости,
— Сорочинской крѣпости,
— Тацкой крѣпости,
— Магнитной крѣпости,
— Карагайской,

Въ приходскихъ сихъ
крѣпостей церквахъ, вхо-
дя злодѣи, оклады съ
иконъ и всю утварь цер-
ковную грабили.

Бугульминскаго вѣдомства, въ селѣ Спаскомъ, въ приходскую
церковь вѣзжали на лошадяхъ, и грабили церковную утварь.

Въ селѣ Борисоглѣбскомъ, и въ Канжинской слободѣ, въ при-
ходскихъ церквахъ тожъ дѣлали.

П е р м с к о й п р о в и н ц и и :

Въ разныхъ церквахъ дѣлали грабежи, а въ нѣкоторыхъ и въ Царскія двери входили, какъ то:

На Юговскомъ Осокина заводѣ,
Въ селѣ Крестовоздвиженскомъ,
— селѣ Дубенскомъ,
На Ижевскомъ казенномъ заводѣ,
Въ селѣ Березовкѣ,
— селѣ Троицкомъ, Олшина тожъ,
Осинскаго уѣзда, въ селѣ Крыловѣ,
На Юго-Камскомъ заводѣ,
Въ селѣ Николаевскомъ,
— Троицкой крѣпости.

Да сожжены церкви:

На Саткинскомъ заводѣ,
Въ пригородѣ Осѣ,
На Петропавловскомъ и Воткинскомъ заводахъ,
Въ Икосовѣ винокуренномъ заводѣ,
— Златоустовскомъ и Сатковскомъ заводахъ,
— Авзяно-Петровскомъ заводѣ.

Сверхъ того, по Оренбургской линіи злодѣи, шедъ даже до Троицкой крѣпости, церкви Божіи сожигали, и образа находили послѣ разбросаны, а иные и расколоты.

Въ городѣ Казани убиты до смерти:

Генераль-Маіоръ Нефедъ Кудрявцовъ,
Полковникъ Иванъ Родіоновъ,
Сынъ его, Артиллеріи отставный Капитанъ Александръ Родіоновъ,
Коллежскій Совѣтникъ Казимиръ Гурской,
Коллежскіе Ассесоры:
Петръ Брюховской, Федоръ Поповъ съ женою,

Премьеръ-Маіоръ Данила Хвостовъ,
Капитаны: Василій Онучинъ, Лука Ефимовъ,
Поручикъ Александръ Масловъ.

Подпоручики:

Иванъ Богдановъ,
Иванъ Носовъ,
Гаврила Нармоцкой.

Прапорщики:

Павелъ Лелинъ,
Андрей Герздоръ,
Алексій Тарбеевъ.

Коммисары:

Лука Ефимовъ,
Иванъ Пономаревъ,
Лекарскій ученикъ Иванъ Михайловъ.

При Гимназій Информаторы:

Нѣмецкаго класса: Ааронъ Тихъ,
Рисовальнаго: Иванъ Кавелинъ,
Ученикъ Иванъ Петровъ,
Часовой мастеръ Шильдъ,
Отставный Секретарь Александръ Голдобинъ.

Регистраторы:

Иванъ Вороховъ,
Григорій Овсяниковъ.

Канцелляристы:

Иванъ Карповъ,
Александръ Акйшевъ,
Герасимъ Андрониковъ,
Подканцеляристъ Степанъ Поповъ.

Унтеръ - офицеры:

Сержантъ Иванъ Бѣлобородовъ,
 Вахмистръ Онисимъ Нармоцкой,
 Подпрапорщики: Степанъ Реутовъ, Иванъ Неудашновъ,
 Каптенармусъ Дмитрій Стрѣлковъ.

Солдаты:

Степанъ Печищевъ,
 Леонтій Чекалинъ.

Щетки:

Онисимъ Колотовъ,
 Никита Спиридоновъ,
 Ѳедоръ Калашниковъ.

И инвалиды:

Денисъ Ерофеевъ,
 Гаврила Юдинъ,
 Слесарь Фризіусъ,
 Сѣдельникъ Гросманъ,
 Конюхъ Иванъ Красногоровъ.

Купцы:

Максимъ Васильевъ,
 Иванъ Назарьевъ,
 Сынъ его: Гаврила Назарьевъ,
 Кирила Ларионовъ,
 Иванъ Котельниковъ,
 Козма Игнатьевъ,
 Григорій Мордвиновъ,
 Борисъ Ростовцевъ,
 Иванъ Пирожниковъ,
 Михайла Естифеевъ,
 Ѳедоръ Тюленевъ,
 Яковъ Нижегородовъ,

Романъ Ѳедоровъ,
 Михайла Сухоруковъ,
 Василий Рыбниковъ,
 Филиппъ Кашкинъ.

Цеховые:

Иванъ Кореневъ,
 Петръ Ильинъ,
 Михайла Разторгуевъ,
 Иванъ Фроловъ,
 Петръ Белоусовъ,
 Петръ Кочановъ,
 Илья Петровъ,
 Григорій Смирновъ,
 Алексѣй Андреевъ,
 Иванъ Сапожниковъ,
 Василий Киселевъ,
 Василий Ѳедосѣевъ,
 Ѳедоръ Востряковъ.

Дворовые люди:

Управителя Петра Кондратьева: Прокофій Алексѣевъ,
 Капитана Аристова: Ѳедоръ Вербовской,
 Архитектора Кафтырева, Гаврила Васильевъ,
 Секретаря Аристова, Козма Яковлевъ,
 Маіора Хвостова, Петръ Степановъ,
 Маіорши Ивановой, Данила Ильинъ,
 Капитана Левашева: Алексѣй Никифоровъ, Никифоръ Ѳе-
 доровъ, Петръ Григорьевъ, Антипъ Андреевъ, Данила Власовъ,
 Денисъ Григорьевъ, Петръ Аванасьевъ;
 Кушца Каменева, Михайла Ивановъ;
 Бригадира Люткина, Прокофій Шелудяковъ.

Экономическіе крестьяне:

Иванъ Даниловъ,
Иванъ Прокофьевъ,
Иванъ Кондратьевъ.

Казанской суконной фабрики мастеровъ и
работники:

Степанъ Шумихинъ,
Давыдъ Понамаревъ,
Яковъ Герасимовъ,
Кондратій Петровъ,
Петръ Самойловъ.

Да сгорѣли въ Казанскомъ Магистратѣ:

Ратманъ Аванасій Шапошниковъ,
Копистъ Федоръ Копыловъ.

Въ Свияжскомъ уездѣ убиты до смерти:

Инвалидной команды полковой обозной Палкинъ,
Копистъ Федоровъ.

Въ Цивильскѣ убиты до смерти въ городѣ:

Воевода, Коллежскій Ассесоръ Петръ Копьевъ,
Штатной команды Прапорщикъ Алексій Абариновъ,
Секретарь Поповъ и его жена Татьяна Степанова,
Дворовыхъ людей мужескаго пола шесть, женскаго два,
Канцеляристъ одинъ,
Купецъ одинъ.

Въ уездѣ:

Священниковъ четыре,
Дьячекъ одинъ,
Понамарь одинъ,
Матросовъ три,
Новокрещенныхъ два.

Въ Чебоксарскомъ уездѣ убиты до смерти:

Чебоксарской морской инвалидной команды:
 Капитанъ съ сыномъ,
 Прапорщиковъ два,
 Подпрапорщикъ одинъ,
 Штатной команды солдатъ одинъ,
 Прапорщикъ Иванъ Тихомировъ съ женою его,
 Экономическаго Правленія копистъ одинъ,
 Престарѣлыхъ матросовъ четыре, да молодой одинъ,
 Священниковъ двѣнадцать,
 Дьяконовъ пять,
 Дьячковъ два,
 Купецъ одинъ.

Въ Царьвококшайскомъ уездѣ убиты до смерти:

Свияжской провинціи отставной канцеляристъ Андрей Дмит-
 ріевъ,
 Священникъ одинъ,
 Полковой обозной одинъ,
 Подьячій одинъ,
 Малолѣтній одинъ.

Въ городѣ Пензѣ убиты до смерти:

Воевода Андрей Всеволожскій,
 Товарищъ Петръ Гуляевъ.

Подпоручики:

Михайла Суровцовъ,
 Федоръ Слѣпцовъ.

Секретари:

Степанъ Дудкинъ, жена его, да сынъ, Подпоручикъ Игнатій
 Дудкинъ,
 Сергій Григорьевъ, съ женою, съ сыномъ и съ двумя дочерьми.

Приказные служители:

Андрей Петровъ,
Гаврила Елисеевской,
Федоръ Иконниковъ,
Василій Тереховъ съ женою,
Иванъ Дмитріевъ,
Семень Тереховъ,
Иванъ Аврамовъ.

Въ упядк:

Генералъ-Маіоръ Алексій Пахомовъ, съ женою,
Секундъ-Маіоръ Иванъ Вережкинъ, съ женою,
Поручикъ Флоръ Слѣпцовъ,
Капитаны: Алексій Гутаевъ, Гаврила Юматовъ,
Помѣщикъ Скуратовъ,
Маіорша Дарья Селивачева,
Поручикъ Петръ Ивановъ, Подпоручикъ Борисъ Яковлевъ и
дѣти Романовы,
Сержантъ Петръ Неклюдовъ, съ женою и съ сыномъ,
Секундъ-Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татьяна Степа-
нова,
Маіорша Федосья Назарьева, съ сестрою Марьею Даниловою,
съ двумя дочерьми, съ племянницею Федосьею Шемяковою,
Поручикъ Иванъ Пилюгинъ, съ женою и съ дочерью дви-
цею Ольгою,
Отставной драгунъ Князь Михайла Звенигородской,
Квартирмистръ Ермолай Стяшкинъ, съ женою и съ сыномъ
Иваномъ,
Маіоръ Егоръ Мартыновъ, съ женою Акимьею Яковлевою,
съ сыномъ Сергѣемъ и съ женою его,
Полковникъ Никифоръ Хомяковъ,
Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татьяна Степанова,

Поручикъ Степанъ Башень,
 Прапорщикъ Евдокимъ Степановъ,
 Прапорщика Александра Стромиллова дѣти, сыновья: Михайла,
 Николай, дочь Авдотья, да братъ родной Сергій,
 Прапорщикъ Фаддей Зеленской съ женою,
 Прапорщикъ Сергій Грязевъ съ женою,
 Вдова Маіорша Анисья Безобразова,
 Капитанша Елена Романова,
 Капитанъ Григорій Раковъ,
 Маіоръ Василій Кологривовъ съ женою,
 Прапорщикъ Козма Бартень,
 Маіора Михайла Мартынова дѣти: Николай, Савва,
 Надворная Совѣтница Грабова,
 Помѣщица Анна Рѣпьева,
 Регистраторъ Алексій Дертевъ,
 Прапорщикъ Кадышевъ,
 Надворная Совѣтница Прасковья Ермолаева съ сыномъ,
 Помѣщица Дарья Халабурдина,
 Поручикъ Иванъ Луинъ,
 Поручика Князя Павла Борятинскаго жена Прасковья Гаври-
 лова съ малолѣтною дочерью,
 Прапорщикъ Андрей изъ дворянъ, да однодворецъ Михайла
 Слѣпцовы,
 Секретарь Сергій Сверчковъ, съ женою его Настасьей Ива-
 новою,
 Вахмистръ Яковъ Жмакинъ, съ дочерью его, дѣвкою Мариною,
 Прапорщикъ Николай Агафонниковъ, съ женою и съ матерью,
 Секундъ-Маіоръ Левъ Дубенской, съ женою,
 Подьячій изъ дворянъ Василій Агафонниковъ, съ женою,
 Капитанши Марѣи Кирѣевой дочь, дѣвица Анна,
 Маіоръ Иванъ Веревкинъ, съ женою,
 Сержантъ Тимофей Авксентьевъ,

Поручикъ Максимъ Дмитріевъ,
Капитанъ Михайла Кирѣевъ, съ дочерью,
Поручикъ Андрей Пансыревъ,
Капитанъ Иванъ Дмитріевъ,
Прапорщикъ Иванъ Тутаевъ,
Поручикъ Егоръ Моревъ, съ женою Анною Петровою,
Графъ Гаврила Головинъ,
Маіорша Елена Варышаева,
Подпоручикъ Александръ Гладковъ,
Дворянская жена Прасковья Прескуровская,
Архитекторъ, Смоленскій шляхтичъ Федоръ Яковлевъ,
Поручикъ Жмакинъ,
Капитанъ Иванъ Именниковъ,
Вдова Елена Юрасова,
Дворянская жена Наталья Бекетова,
Вдова Пелагья Шахмаметова и дочь ея, дѣвица,
Однодворецъ Иванъ Юрасовъ.

Прапорщики:

Иванъ Буланинъ,
Иванъ Петесевъ,
Степанъ Романовъ;
Подпоручикъ Левъ Ергаковъ, съ женою,
Капитанъ Алексѣй Козловъ,
Секундъ-Маіоръ Ивашевъ,
Подпоручикъ Николай, да Гвардіи капралъ Василій Киселевы,
Поручикъ Гаврила Алферьевъ,
Маіоръ Никита Костяевской, съ женою,
Капитанъ Тутаевъ, съ женою,
Подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья;
сыновья: Алексѣй и Михайла, да своячина его, дѣвица Пелагья Квашнина,

Саранскій Воевода Василій Протасевъ, съ женою и съ сыномъ,

Поручикъ Ѳедоръ Левинъ, съ женою и съ сыномъ Алексѣемъ,
Экономической Казначей, Секундъ-Маіоръ Ѳедоръ Григоровъ
съ женою,

Маіорша Авдотья Возницына, съ дочерью,

Вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровскія,

Помѣщикъ Семень Литомгинъ, съ женою,

Поручикъ Иванъ, да Подпоручикъ Максимъ Тоузаковы,

Вдова Подполковница Марѳа Агарева,

Однодворческая жена Пелагья Метлина,

Маіоръ Григорій Зубаревъ, съ женою и съ дѣтьми, двумя
сыновьями, съ дочерью дѣвицею,

Поручикъ Ѳедоръ Бекетовъ, съ женою Марью Егоровою,

Маіорша Катерина Конабеева,

Дворянская жена Варвара Тургенева,

Княгиня Анна Мустафина,

Подпоручика Гаврилы Левина жена, съ дѣтьми, сыновьями:
Дмитріемъ, Николаемъ, да съ дочерью,

Гвардіи капральша Ѳедосья Ермолаева, съ дочерью вдовою,
Прапорщицею Авдотьею Юрьевою,

Подпрапорщикъ Степанъ Пересѣкинъ, съ женою, сыномъ
Гавриломъ, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьею;

Маіоръ Ѳедоръ Кашкаровъ, жена его, съ дочерьми, малолѣт-
ными дѣтьми, и одна Француженка,

Протоколистъ Петръ Ивановъ, съ женою Татьяною Дмитрие-
вою и съ дѣтьми Премьеръ-Маіоромъ Семеномъ Ивановымъ, съ
женою Елисаветою Михайловою, и съ сыномъ Петромъ.

Недоросль Дмитрій Ивановъ,

Маіорша Лукерья Ивина, съ сыномъ Алексѣемъ, съ дочерью
Пелагьею,

Вахмистръ Михайла Брюховъ, съ женою,

Прокурорша Марѣа Агарева,
 Секундъ-Маіоръ Николай Степановъ, съ женою,
 Дворянская жена Пелагѣя Ховрина,
 Поручикъ Алексѣй Зубецкой, съ женою,
 Помѣщица Авдотѣя Жедринская,
 Вахмистръ Никита Никифоровъ,
 Помѣщикъ Никита Подгорновъ,
 Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ползамасовъ, съ сыномъ Сер-
 гѣемъ,
 Подпоручика Василья Золотарева жена,
 Камеръ-лакей Яковъ Выдринъ, съ женою,
 Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, съ женою Аграфеною Сер-
 гѣевою,
 Подпоручица Катерина Платцова,
 Прапорщица Анна Чуфарова,
 Легкой полевой команды Подпоручикъ Иванъ Обуховъ,
 Вахмистръ Яковъ Жмакинъ, съ дочерью Мариною,
 Сержантъ Иванъ Кашкаровъ, съ зятемъ, Ассессоромъ Никитою
 Іевлевымъ, съ женою его Матреною Михайловою и съ ихъ
 дочерью Марьею,
 Титулярный Совѣтникъ Иванъ Алферевъ, съ женою,
 Одноворчская жена Дарѣя Чарыкова,
 Одноворцы: Семень Фѣдорчуковъ, Петръ Митюринъ,
 Легкой полевой команды солдатъ одинъ,
 Штатной команды два солдата,
 Вахмистръ Иванъ Симоновъ,
 Одноворцевъ четыре,
 Пахатныхъ солдатъ три,
 Четыре Священника, и одинъ изъ нихъ съ женою,
 Понамаръ одинъ,
 Прапорщика Ивана Буланина приказчикъ,
 Капитана Ивана Осоргина приказчикъ,

Графа Гавриѣа Головкина приказчикъ,
 Вахмистра Якова Якушкина приказчикъ,
 Лейбъ - гвардіи Капитана Князя Михайла Долгорукова при-
 казчикъ,
 Полковника Петра Волконскаго приказчикъ,
 Капитана Николая Загоскина приказчикъ,
 Вдовы Анны Смагиной два старосты,
 Вдовы Пелагьи Грецовоѣ приказчикъ, съ женою и дочерью,
 Княжны Марьи Долгоруковоѣ приказчикъ, съ женою,
 Кадета Петра Загряжскаго приказчикъ,
 Капитана Василья Новикова приказчикъ,
 Подпоручика Николая Зыбина приказчикъ,
 Сержанта Сергѣя Мартынова дворовой человѣкъ,
 Бригадирши Аграфены Киселевоѣ приказчикъ,
 Архитектора, Смоленскаго шляхтича Яковлева дворовыхъ два
 человѣка,
 Поручика Сергѣя Тухачевскаго приказчикъ,
 Прапорщика Ивана Буланина дворовой человѣкъ,
 Прапорщика Аѳанасья Суморокова дворовой человѣкъ,
 Графа Андрея Шувалова староста одинъ, выборныхъ два,
 Статскаго Совѣтника Аѳанасья Зубова дворовой человѣкъ,
 Маіора Нилы Акинѣева два приказчика и одинъ кучеръ,
 Коллежскоѣ Ассессорши Катерины Бахметевѣ дворовой че-
 ловѣкъ,
 Штыкъ-юнкера Аблязова управитель,
 Полковника Степана Ермолаева приказчикъ,
 Капитана Николая Владимірова дворовой человѣкъ,
 Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева приказчикъ,
 Секундъ-Маіора Александра Соловцова дворовой человѣкъ,
 Иноземець Иванъ Миллеръ,
 Архитектора Василья Баженова земскоѣ,
 Генеральши Катерины Левашевѣ приказчикъ,

Сержантовъ Андрея и Ивана Левиныхъ приказчикъ, съ женою,

Дѣвицъ Анны и Марьи Языковыхъ приказчикова жена,

Новокрещеныхъ два,

Надворной Совѣтницы Прасковьи Ермолаевой крестьянинъ,

Коллежскаго Ассесора Петра Хлѣбникова крестьянинъ,

Капитана Василья Новикова крестьянинъ,

Подполковника Степана Ермолаева крестьянинъ одинъ, женки двѣ,

Статскаго Совѣтника Аванасья Зубова крестьянинъ,

Дѣвицы Ольги Назаревой крестьянинъ.

Въ Симбирскомъ уездѣ убиты до смерти:

Полковница, вдова Марья Теплова,

Помѣщица, вдова Домна Поспѣлова,

Сестра ея, Милитинскаго дворянина Якова Агненьова жена Ульяна Александрова,

Подпоручикъ Иванъ Манакинъ,

Маіоръ Василій Аристовъ, съ дочерью дѣвщицею,

Помѣщицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины,

Симбирскаго баталіона Полковникъ и Комендантъ Андрей Рычковъ,

Экономическій Казначей, Поручикъ Тишинъ, съ женою и два малолѣтнихъ сына,

Экономическій крестьянинъ Александръ Васильевъ,

Подполковникъ Василій Языковъ,

Маіоръ Александръ Родіоновъ,

Подполковника Никиты Философова приказчикъ Василій Ерошеевъ.

Подполковника Петра Зимнинскаго приказчикъ Тимошей Михайловъ,

Фабриканта Воронцова формовальщикъ Алексѣй Адриановъ,

ВЪ ГОРОДѢ ПЕТРОВСКѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Воеводской товарищъ, Секундъ - Маіоръ Буткевичъ, теща его
Марья Иванова,

Секретарь Лука Яковлевъ, съ женою Марьею Михайловою и
съ сыномъ Петромъ,

Штатной команды барабанщикъ Иванъ Хомутильниковъ,

Пахатный солдатъ Игнатій Ношкинъ,

Солдата Хрулева жена Авдотья Васильева.

Въ уѣздѣ:

Подполковница, вдова Ирина Никитина дочь Дурасова,
Капитана Николая Коптева сынъ, младенецъ Левъ,
Корнетъ Михайла Шильниковъ, съ женою Прасковьею Мака-
ровою, и малолѣтний сынъ Григорій,

Сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина,

Маіорша, вдова Анисья Безобразова,

Помѣщики: Николай да Василій Киселевы, приказчикъ ихъ
Аванасій Семеновъ,

Помѣщиковъ Григорія и Игнатія Киселевыхъ приказчикъ
Степанъ Матвѣевъ,

Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ,

Прапорщикъ Гаврила Власьевъ,

Прапорщикъ Николай Чемодуровъ,

Подпоручикъ Ѳедотъ Бекетовъ, съ женою Марьею,

Капитанъ-Поручика Ѳедора Менса жена Софья,

Поручика Николая Бахметева крестьянинъ Иванъ Ивановъ,

Пахатной солдатъ Ѳаддей Скапинцовъ,

Малороссіянинъ Иванъ Озерецкой.

Въ Козмодемьянскомъ уездѣ убиты до смерти:

Священниковъ два,

Дьяконовъ два,

Дьячекъ одинъ,
Семинаристъ одинъ.

Въ Пермскомъ уездѣ убиты до смерти:

Екатеринбургскаго вѣдомства:

Капитанъ Вонновъ,

Подпоручикъ Посоховъ,

Солдатъ одинъ;

Юговскихъ заводовъ управитель, Шихтмейстеръ Яковлевъ,

Унтеръ-Шихтмейстеръ Бахманъ,

Князь Михайла Михайловича Голицына приказчикъ Михайла

Ключниковъ,

Подъячій Василій Клестовъ,

Питейной продажи цѣловальникъ одинъ,

Графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихинскаго завода

Унтеръ-Шихтмейстеръ Манаковъ.

Священники:

Василій Козминъ,

Аникій Борисовъ,

Родіонъ Леонтьевъ;

Дьячекъ Иванъ Поповъ,

Дьячекъ Илья Петровъ,

Экономическихъ дѣлъ копистъ Петръ Курбатовъ,

Атаманъ Колесниковъ,

Отставной капралъ Лукіанъ Омеляновъ,

Юговскихъ заводовъ плавильщикъ Козма Орловъ.

Пушкарки:

Демидъ Сочинъ и Никифоръ Совинъ,

Экономической крестьянинъ Алимпій Кармановъ,

Крестьянинъ Гаврила Трегубовъ,

Князя Голицына крестьянъ четырнадцать человекъ,

Графа Строганова крестьянъ три человека.

Государственныхъ:

Крестьянинъ Егоръ Зуевъ, и еще семь человекъ,
Сотникъ Яковъ и крестьянинъ Михайла Поповы,
Крестьянинъ Софроновъ,
Ермолай Мѣдениковъ, Ѳедоръ Бурковъ, Иванъ Осетровъ,
Крестьянинъ Ермаковъ, и еще два человека,
Крестьянская дѣвка.

Въ городѣ Ставрополѣ убиты до смерти:

Бригадиръ и Ставропольскій Комендантъ Иванъ фонъ-Фегезакъ,
Воеводской Товарищъ, Надворный Совѣтникъ Сергій Милковичъ,

Секретарь Семень Микляевъ.

Ставропольскаго баталіона Секундъ-Маіоры:

Павель Алашеевъ, Алексій Карачевъ, Никита Семеновъ.

Капитаны:

Григорій Калмыковъ, Петръ Лабухинъ.

Поручики:

Аванасій Семеновъ, Дмитрій Новокрещеновъ.

Прапорщики:

Яковъ Дворяниновъ, Василій Трофимовъ, Ѳедоръ Попковъ,
Василій Плешивцовъ;
Лекаръ Иванъ Финкъ.

Въ уздѣ оставныя:

Секундъ-Маіоръ Артемій Бережневъ.

Прапорщики:

Филать Струйской, Петръ Поляковъ;
Подпрапорщикъ Петръ Тургеневъ, съ сыномъ Иваномъ,
Сержантъ Михайла Кулыгинъ.

Ставропольскаго баталіона сержанты:

Иванъ Свѣшниковъ, Василій Гуцинъ, Яковъ Петровъ,
 Михайла Савушкинъ, Семень Львовъ;
 Подпрапорщикъ Иванъ Фоминъ,
 Капраль Лука Матвѣевъ.

Солдаты:

Игнатій Буторинъ, Фроль Бердняковъ, Петръ Вагинъ, Ми-
 трозанъ Мухановскій, Никита Козловъ, Василій Григорьевъ,
 Григорій Колесниковъ, Аванасій Кондуковъ, Гурій Уляновъ,
 Деньщикъ Максимъ Андреевъ,
 Ставропольскаго Духовнаго Правленія копійствъ Василій Тат-
 левъ.

Дворовые люди:

Прапорщика Филата Струйскаго: Елизаръ Семеновъ,
 Помѣщицы Аграфены Стрекаловой: Егоръ Горохъ, Осипъ Алек-
 сандровъ,
 Помѣщицы Прасковьи Чемесовой: Иванъ Михайловъ,
 Ясачной крестьянинъ Осипъ Звонаревъ,
 Разночинецъ Михайла Васильевъ.

Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса:

Ротмистръ Никаноръ Буратовъ,
 Солдатъ Иванъ Шонбо.

**Нижегородской губерніи, въ Нижегородскомъ уездѣ
 убиты до смерти:**

Графа Николая Головина приказчикъ Алексій Тетеевъ, съ
 женою Настасьею,
 Братъ его Иванъ Тетеевъ, съ сыномъ Васильемъ.

Выборные:

Авдрей Киреевъ,
 Иванъ Фаддеевъ,

Крестьянинъ Павелъ Кордюковъ,
 Нѣмецъ одинъ,
 Французъ одинъ,
 Артиллеріи Капитана Князь Петра Дадіана приказчикъ Петръ
 Кучинъ, съ женою Дарьею.

Въ городѣ Алатырѣ убиты до смерти:

Премьеръ-Маіоръ Романъ Грабовъ, съ женою Катериною,
 Коллежскій Ассесоръ Галактіонъ Кляпиковъ,
 Землемѣръ, Подпоручикъ Ѳедоръ Вишняковъ, съ женою Анною,
 и братомъ его двоюроднымъ Ѳедоромъ Прокофьевымъ; Секре-
 тарь Василій Поповъ, съ женою Авдотьею Ивановою, съ дѣтьми,
 дочерьми, Варварою, Глафирою, съ сыномъ Алексѣемъ, и матерью
 Матреною Васильевою,

Протоколистъ Матвѣй Леонтьевъ, съ женою Марьею, съ дѣть-
 ми, сыномъ Николаемъ, дочерьми Анною и Александрою,
 Капитанъ Иванъ Недоростковъ, съ женою.

Штатной команды солдаты:

Алексѣй Зенкинъ, Тимоѣей Запылихинъ.

Въ уздѣ:

Прокуроръ Василій Кривской,
 Капитанъ Николай Лихутинъ, съ женою Анною Ивановою,
 Сержантъ Иванъ Любовцовъ,
 Маіорша Ѳедосья Назарьева,
 Капитанъ Петръ Зубатовъ,
 Изъ дворянъ капраль Александръ Зиновьевъ,
 Маіоръ Семень Марковъ,
 Изъ дворянъ каптенармусъ Аеанасій Ананьинъ,
 Прапорщикъ Василій Мещериновъ,
 Помѣщица Прасковья Тельгина,
 Помѣщица, вдова Авдотья Тимашева,

Полковника Ѳедора Волкова свояченица Татьяна Иванова,
 Прапорщикъ Василій Мертваго, съ женою Пелагѣею Ивановою,
 Маіоръ Борисъ Мертваго,
 Вахмистръ Андрей Назарьевъ,
 Капитанъ Алексій Матцышевъ, съ женою Мариною Алексѣе-
 вою,

Коллежскаго Ассесора Ивана Мачаваріанова свояченица Нина
 Егорова,

Экономическаго Казначей Князь Василья Туркистанова жена
 Ирина Борисова.

При экономическомъ винокуренномъ заводѣ:

Прапорщики:

Алексій Гедеевъ съ женою Еленою Романовою, Василій Ду-
 ровъ съ женою Авдотьею Васильевою, помощникъ Сергій Бъ-
 дауровъ съ женою Александрою Петровою,

Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова,
 Ассесора Мачаваріанова дочь, дѣвица Файна Иванова, пле-
 мянникъ его Николай Гавриловъ,

Инвалиднаго Секундъ-Маіора Чеботарева жена Анна Иванова,
 Мать ея Авдотья Гедеева,

Племянница ея, дѣвица Марья Туркманова,
 Арлатовской дворцовой волости управитель, Секундъ-Маіоръ
 Михайла Нелидовъ,

Поручикъ Иванъ Смолковъ съ женою Азимьею Ивановою,
 Мать его, Маіорша Дарья Никитина,

Прапорщика Дмитрія Жмакина жена Анисья Андреева,
 Маіора Растригина жена Авдотья Козмина,

Мать его Прасковья Михайлова;

Дѣти его, дочери: Ирина, Ѳедосья, Ѳекла.

Поручикъ Андрей Саврасовъ съ женою Азимьею Матвѣевою,

Теща его Анна Кирилова,
 Дворянинъ Егоръ Пазухинъ съ женою Марьею Алексѣевою;
 Дѣти его, сынъ Алексѣй, дочери: Анна, Елисавета,
 Дворянина Федота Захарина дочь, дѣвица Татьяна,
 Помѣщика Ивана Салманова теща Авдотья Аванасьева, жена
 Акулина Лукіанова,
 Сынъ его Николай,
 Дворянинъ Аванасій Яхонтовъ съ женою Домною Никитиною;
 Дѣти ихъ, сынъ Степанъ, дочери: Пелагья, Дарья;
 Дворянинъ Феофемъ Яхонтовъ съ женою Екатериною Се-
 меновою;
 Дѣти ихъ, сыновья: Дмитрій, Павелъ, дочери: Авдотья, Аку-
 лина; теща Авдотья Антонова;
 Капраль Иванъ Салмановъ,
 Капитанша, вдова Анна Брюхова,
 Дворянская жена Прасковья Тельгина,
 Поручикъ Иванъ Алабинъ,
 Солдатъ Василій Шебалинъ,
 Прапорщикъ Григорій Куроѣдовъ съ женою Анною Ивановою,
 Дворянка Прасковья Апраксина,
 Капитанша вдова, Ирина Аленина,
 Помѣщица Варвара Василисова,
 Капитанъ Николай Страховъ,
 Мать его, вдова Поручица Домна Данилова,
 Помѣщикъ Василій Апраксинъ съ женою Анисьею Дмитрие-
 вою,
 Сынъ его, Прапорщикъ, Алексѣй,
 Прапорщикъ Иванъ Ашанинъ съ женою Авдотьею Семеновою,
 Вдова, помѣщица Агафья Тахтарова,
 Капитанъ Иванъ Ляховъ,
 Капитана Ивана Полумордвинова сынъ Михайла,
 Прапорщикъ Иванъ Анцыфоровъ съ женою Анною Ромацковою,

Дѣвка Вѣра Данилова,
 Вдова Марья Данилова,
 Подполковница вдова Прасковья Кишенская,
 Сынъ ея, Маіоръ Николай,
 Малолѣтнѣй Аврамъ,
 Дворянская жена вдова Анисья Неронова,
 Сынъ ея, Поручикъ Иванъ, съ женою Прасковьею Андреевою,
 Гвардіи Прапорщикъ Иванъ Стечкинъ, съ женою Василисою
 Петровою,
 Помѣщикъ Еѣимъ Нероновъ;
 Дѣти его: сынъ Алексѣй, дочери Наталія, Анна, Мавра;
 Помѣщица Фодосья Лаптева,
 Прапорщикъ Григорій Невѣровъ,
 Прапорщикъ Григорій Нагаткинъ, съ женою Феклою Ва-
 сильевою;
 Дѣти, сынъ Петръ, дочь, дѣвица Акулина;
 Прапорщикъ Андрей Теренинъ,
 Помѣщица Авдотья Варьпаева,
 Прапорщикъ Василій Теренинъ,
 Сержантъ Козма Теренинъ,
 Дворянка Прасковья Григорьева,
 Дворянка Прасковья Иванова,
 Солдатская жена Анна Осипова,
 Помѣщикъ, Князь Артамонъ Чегодаевъ, съ женою Натальею
 Ивановою.

Прапорщики:

Федоръ }
 Борисъ } Брюховы,

Поручица, вдова Прасковья Брюхова,
 Сержантъ Сергѣй Ананьинъ, съ женою Марьею Васильевою,

*

Дочь его Надежда;
 Канцеляристъ Ѳедоръ Крюковской,
 Прапорщикъ Александръ Грязновъ,
 Дворянинъ Зурабъ Давыдовъ,
 Служитель его Яковъ Андреевъ,
 Прапорщикъ изъ Грузинъ Евсевій Семеновъ,
 Канцеляристъ Михайла Соколовской,
 Писарь Никита Вѣринъ,
 Прапорщикъ Василій Тимашевъ, съ женою Катериною Анто-
 новою,
 Дочь его: дѣвица Елисавета,
 Помѣщица Марья Пучкова,
 Капитанъ Яковъ Бурцовъ,
 Подпоручикъ Василій Шалимовъ, съ женою Акулиною
 Ильиною,
 Приемышъ, дѣвка Анна,
 Университетскаго Учителя Грачевскаго дочь Вѣра,
 Дворянинъ Дмитрій Пасмуровъ, съ женою Иринею Ѳедо-
 ровою;
 Капитанъ Михайла Ашанинъ,
 Капитанша Прасковья Павлова,
 Сынъ ея, Капитанъ Василій,
 Его сынъ, сержантъ Ѳедоръ,
 Прапорщикъ Василій Шишкинъ,
 Фурьеръ Василій Бабушкинъ, съ женою Марфою Ивановою, и
 дочь его Елисавета,
 Поручикъ Александръ Зимнинской, съ женою Авдотьею
 Григорьевою,
 Прапорщикъ Василій Кошкинъ,
 Прапорщикъ Василій Зимнинской, съ женою Маріамою Ва-
 сильевою,
 Маіоръ Никифоръ Юрасовъ,

Прапорщикъ Семень Юрасовъ, съ женою Татьяною Монсеевою,

Дворянъ два человѣка: одинъ мужскаго, а другой женскаго пола,

Князь Борисъ Дивѣевъ,

Подпрапорщикъ Ефимъ Шукпнъ,

Протоколиста Матвѣя Леонтьева мать Ирина,

Данилы Куткина жена Анна Ѳедорова,

Староста Тимоѳей Ѳедотовъ,

Секундъ-Маіора Андрея Кикина староста Ѳедоръ Гавриловъ,

Десятской Ѳедоръ Агаѳоновъ,

Помѣщика Алексѣя Сѣченова прикащикъ Захаръ Андреевъ,

Маіора Ивана Протасьева прикащикъ Петръ Васильевъ,

Помѣщика Петра Пазухина староста Андрей Алексѣевъ,

Помѣщика Ивана Ананьина староста Ѳедоръ Ивановъ.

Крестьяне:

Макаръ Ѳедоровъ, Андрей Николаевъ,

Помѣщицы Варвары Языковой дворовой человѣкъ Евдокимъ Фирсовъ,

Помѣщика Нилы Панова крестьянинъ Авдей Ѳедоровъ,

Секундъ-Маіора Аванасья Давыдова дворовые люди: Прокофій Прохоровъ, Степанъ Даниловъ,

Арзамасская купецкая жена Марья Ѳедорова,

Полковника Ѳедора Волкова прикащикъ Иванъ Козминъ, сынъ его Евграфъ;

Помѣщика Алексѣя Бахметева прикащикъ Иванъ Петровъ съ женою Ѳедосьею Романовою,

Генераль-Маіора и Кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человѣкъ Максимъ Леонтьевъ,

Староста Карлъ Ивановъ,

Артиллеріи Подполковника Льва Пушкина дворовой человѣкъ Семень Ивановъ,

Генералъ-Поручика Ивана Левашева прикащикъ Федоръ Логиновъ, съ женою Татьяною Федоровою и съ дочерью Елисаветою,

Ефимъ Ивановъ, Аверьянъ Борисовъ,

Подполковника Григорья Бахметева выборный Алексѣй Игнатьевъ,

Гвардіи капрала Егора Кроткаго челоѣкъ Михайла Егоровъ,
Капитана Алексѣя Матцынева прикащикъ Дементій Дмитриевъ,

Секундъ-Маіора Петра Акинѣева прикащикъ Александръ Васильевъ.

Экономическаго вѣдомства крестьяне:

Прокофій Аванасьевъ,

Иванъ Володиміровъ,

Михей Яковлевъ;

Полковника Князь Александра Одоевскаго прикащикъ Григорій Лебедевъ,

Помѣщика Александра Зиминскаго прикащикъ Никита Моисеевъ съ женою Прасковьею Андреевою,

Бригадира Іевлева прикащикъ Степанъ Семеновъ,

Солдатская жена Фекла Семенова,

Графа Ивана Петровича Салтыкова:

Штуцмейстеръ Иванъ Штепсинъ,

Прикащикъ Антоць Дроздовъ,

Староста Анкудинъ Феклистовъ,

Прикащикъ Никита Альимовъ, съ женою и съ дочерью,

Прикащикъ Алексѣй Головлевъ,

Земской Иванъ Вернеевъ,

Крестьянинъ Иванъ Трофимовъ,
Прикащикъ Петръ Протопоповъ,
Крестьянинъ Федоръ Вайцовъ.

Графа Андрея Петровича Шувалова:

Прикащикъ Тимофей Щепотевъ, съ женою Настасьею Ивановою,
Земскою Филиппъ Петровъ,
Экономической крестьянинъ Михай Яковлевъ,
Прикащикъ Михайла Савельевъ, съ женою Авдотьею Федоровою,
Прикащикъ Борисъ Турчениновъ,
Прикащикъ Кондратій Филиповъ.

Священники:

Яковъ Федоровъ,
Василій Алексеевъ,
Аввасій Ивановъ,
Иванъ Прохоровъ,
Антипъ Борисовъ,
Иванъ Борисовъ;
Діаконъ Федоръ Михайловъ.

Въ Арзамасскомъ уездѣ убиты до смерти:

Гвардіи Коннаго полка Секунды - Ротмистръ Иванъ Исуповъ,
съ женою Ириною Петровою и съ дочерью Еленою и вдовою
Настасьею,
Титулярнаго Совѣтника Ивана Бахметева дочь,
Священникъ Василій Алексеевъ,
Поручика Николая Языкова служитель Сергій Борисовъ,
Капитана Петра Ермолова дворовой челоѣкъ Егоръ Васильевъ,
Прикащикъ Паренъ,

Секундъ-Маіора Князь Ивана Кольцова-Масальскаго земскої
Семень Алексѣевъ,

Прапорщика Алексѣя Дубенскаго прикащикъ Кондратій Ан-
дреевъ,

Служитель Иванъ Гуняевъ.

Въ городѣ Курмышѣ убиты до смерти;

Секундъ - Маіоры:

Василій Юрловъ,

Дмитрій Маковневъ,

Вдова Наталья Улянина.

Курмышской Канцелярии:

Квартирмистръ Александръ Филиповъ,

Канцеляристъ Михайла Еремеевъ.

Въ уездѣ Саященники.

Аѳанасій Дмитріевъ,

Алексій Семеновъ,

Василій Антоновъ,

Гаврила Евтроповъ,

Гаврила Михайловъ,

Андрей Степановъ,

Михайла Дмитріевъ,

Петръ Ивановъ,

Андрей Алексѣевъ,

Григорій Матвѣевъ,

Михайла Васильевъ,

Федоръ Алексѣевъ.

Діаконы.

Андрей Федоровъ,

Василій Гавриловъ,

Григорій Гавриловъ,
 Константинъ Васильевъ,
 Иванъ Михайловъ,
 Иванъ Никифоровъ,
 Иванъ Андреевъ,
 Михайла Ивановъ,
 Алексій Андреевъ,
 Иванъ Андреяновъ.

Дьячки:

Петръ Ивановъ,
 Иванъ Григорьевъ,
 Корнилъ Васильевъ,
 Иванъ Васильевъ,
 Василій Никитинъ,
 Петръ Афанасьевъ,
 Василій Ивановъ,
 Сергій Григорьевъ.

Понамари:

Петръ Ивановъ,
 Матвѣй Ивановъ,
 Василій Тимоѣевъ,
 Егоръ Антоновъ,
 Петръ и Агаѣонъ Ѳедоровы,
 Дмитрій Ѳедоровъ,
 Илья Михайловъ,
 Семень Кузминъ,
 Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева прикащикъ Яковъ
 Реутовъ.

Курмышской инвалидной команды:

Поручикъ Тимоѣй Муромцовъ,
 Солдатъ Дмитрій Гусевъ,

Подпоручикъ Иванъ Мантуровъ, съ дѣтьми Кирилломъ и Николаемъ,

Помѣщика Ларіона Любятинскаго староста Аѳанасій Васильевъ;
Коллежской Совѣтницы Прасковьи Стражиной челоуѣкъ Ѳеодоръ Тимоѳеевъ;

Прапорщикъ Андрей Крашевъ,
Цѣвильской Канцеляріи Секретарь Никита Поповъ, и жена его Татьяна Степанова.

Дворовыхъ людей:

Мужескаго пола четыре,
Женскаго два,
Малолѣтнихъ два,

Матросъ Абрамъ Васильевъ,
Духовныхъ дѣлъ кописта Павла Попова сынъ Василій,
Матросъ Иванъ Львовъ,
Священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова,
Сотникъ Иванъ Илдеряковъ.

Крестьяне:

Дмитрій Перфильевъ,
Петръ Никитинъ.

Города Ядринска въ разныхъ мѣстахъ убиты до
СМЕРТИ:

Священниковъ и причетниковъ съ нихъ женами тридцать восемь.

Города Оренбурга въ крѣпостяхъ убиты до СМЕРТИ:

Въ Чернорѣченской крѣпости:

Капитанъ Нечаевъ.

Въ Таткшевой:

Комендантъ, Полковникъ Елагинъ съ женою.

Въ Разсыпной:

Комендантъ, Секундъ-Маіоръ Веловской съ женою,
Капитанъ Савиничъ,
Поручикъ Кирпичевъ,
Прапорщикъ Осиповъ,
Священникъ одинъ,
Воинскихъ нижнихъ чиновъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ
двѣнадцать.

Въ Сорогинской:

Регулярныхъ шесть,
Разночинцевъ пять.

Въ Бузулукской:

Маіора Племянникова приказчикъ и староста,
Регистратора Арапова работникъ.

Въ Борской:

Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
Помѣщичьихъ крестьянъ два человѣка.

Въ Пречистенской:

Отставныхъ двѣнадцать человѣкъ.

Въ Зелаирской:

Адьютанта Бурунова жена Матрена Иванова съ прочими от-
ставныхъ съ женами жъ въ число четырехъ человѣкъ, съ пятью
обоихъ половъ младенцами.

Въ Магнитной:

Священникъ одинъ,
Капитанъ Сергій Тихановской съ женою,
Отставныхъ солдатъ двое.

Въ Нижне-Озерной:

Комендантъ, Секундъ-Маіоръ Харловъ съ женою и братомъ
ея.

Въ состоящей на Самарской дистанціи деревнѣ Милоховой:

Отставной Капитанъ Трофимъ Милоховъ.

Въ городѣ Троицкѣ убиты до смерти:

Воевода, Секундъ-Маіоръ Вареломей Сталповской,

Товарищъ, Капитанъ Князь Алексѣй Чегодаевъ,

Съ приписью Михайла Скорняковъ,

Троицкихъ дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ управитель
Госъ-фурьеръ Андрей Половинкинъ.

Въ уѣздѣ онаго:

Троицкой штатной команды солдаты:

Савелій Воловъ,

Степанъ Федоровъ,

Петръ Горбуновъ,

Разночинецъ Трофимъ Образцовъ,

Дворцовой крестьянинъ Григорій Павловъ,

Канцеляриста Ивана Григорьева дворовой челоуѣкъ Антонъ
Яковлевъ.

Въ городѣ Краснослободскѣ убиты до смерти:

Всевода, Секундъ-Маіоръ Иванъ Селунской,

Секретарь Василій Тютрюмовъ,

Помѣщикъ, Капитанъ Данила Стальпинъ.

Въ уѣздѣ онаго:

Попъ Иванъ Яковлевъ,

Казеннаго дворцоваго Троицко - Острожскаго винокуреннаго
завода сержантъ Никита Головъ.

Дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ:

Въ должности стряпчаго канцеляристъ Степанъ Снѣжинской,

Канцеляристъ Семень Дубровской,

Дворянинъ Никита Степановъ,
Дворянинъ Юдинъ.

Въ городѣ Наровчатѣ убиты до смерти:

Воевода Аѳанасій Ценинъ,
Въ должности Секретаря Регистраторъ Семень Корольковъ,
Капраль Степанъ Кашинъ,
Священникъ Иванъ Ивановъ,
Города Инсары Воеводскаго товарища Юматова дворовый че-
ловѣкъ Савелій Ивановъ,
Проѣзжавшій человекъ одинъ,
Наровчатской Канцеляріи отставной кописецъ Александръ
Соколовъ,
Помѣщика Арапова дворовой человекъ Василій Анисеевъ,
Дворцовой крестьянинъ Иванъ Сорокинъ.

Въ городѣ Инсарѣ убиты до смерти:

Священники: Козма Семіоновъ, Андрей Мионовъ.

Инсарской инвалидной команды Секундъ-Маіоры:

Василій Денисьевъ, и
Жена его Наталья Петрова,
Андрей Кузьминъ, и
Жена его Ѳекла Емельянова,

Капитаны:

Дмитрій Купринъ,
Жена его Татьяна Григорьева;
Иванъ Щербаковъ,
Жена его Марѳа Иванова;
Петръ Кресниковъ.

Поручикъ:

Михайла Юрловъ,
Жена его Прасковья Юдина,

Подпоручики:

Алексѣй Пьякинъ,
 Жена его Меланья Евсевьева,
 Сестра его Меланья Тимофеева,
 Алексѣй Корниловъ,
 Нефедъ Онуфриевъ,
 Андрей Каряпинъ,
 Жена его Ирина Иванова,
 Подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагья Петрова.

Прапорщики:

Прокофій Соколовъ,
 Жена его Настасья Тимофеева,
 Николай Козловъ,
 Савва Агаѳоновъ,
 Жена его Степанида Степанова,
 Ротной Квартирмистръ Юна Стунетовъ,
 Сержантъ Гаврила Маклаковъ,
 Каптенармуса Прокофья Страхова жена Аксинья Васильева.

Капралы:

Иванъ Васильевъ,
 Игнатій Сальвинъ,
 Жена его Февронья Филипова,
 Михайла Матвѣевъ,
 Жена его Авдотья Ѳедорова,
 Василий Тепловъ,
 Жена его Прасковья Игнатьева,
 Павелъ Филимоновъ.

Солдаты:

Агапъ Голубчиковъ,
 Захаръ Крыловъ,
 Данила Прокофьевъ,

Авдей Мелеховъ,
Иванъ Юдинъ,
Никита Бельяниповъ,
Василій Ногинъ,
Владиміръ Иванцовъ,
Федоръ Трофимовъ,
Степанъ Евсигнеевъ,
Алексій Пирожковъ,
Иванъ Вилкинъ,
Александръ Карауловъ,
Козма Паршинъ,
Михайла Бзкаевъ,
Федоръ Назаровъ,
Иванъ Букаевъ,
Титъ Хомовъ,
Осигъ Леонтьевской,
Петръ Шадринъ,
Яковъ Мадрыгинъ,
Федотъ Федоровъ,
Жена его Агаѣя Григорьева,
Гаврила Лосевъ,
Жена его Прасковья Васильева,
Василій Петинъ,
Жена его Устинья Артемьева,
Елисей Чекановъ, жена его Настасья Иванова,
Солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова,
Солдата Григорья Иконникова жена Федосья Степанова,
Канцеляристъ Иванъ Андреевъ.

Инсарской штатной команды:

С о л д а т ы :

Борисъ Шульгинъ,
Антонъ Камшилинъ,

Сторожъ Перфиль Герасимовъ,
Купецъ Филиппъ Соснинъ.

Подпоручики:

Алексѣй Голосеинъ,
Федоръ Голосеинъ, сестра его Анна Иванова,
Корнетъ Дмитрій Голосеинъ, жена его Матрена Никитина,
Московского купца Рюмина приказчикъ Максимъ Евстратовъ.

ПЕНЗИНСКАГО УЪЗДА:

Изъ дворянъ отставной драгунъ Егоръ Ульянинъ,
Жена его Настасья Михайлова,
Сестра ея Катерина Михайлова жъ.

АЛАТЫРСКАГО УЪЗДА:

Поручикъ Прокофій Лукинъ,
Жена его Пелагья Никифорова.

НАРОВЧАТСКАГО УЪЗДА:

Прапорщикъ Николай Ермоловъ.

ТЕМНИКОВСКАГО УЪЗДА:

Татарь шестнадцать человекъ,
Помѣщика Платона Орлова приказчикъ, а какъ его звали, не-
извѣстно.

ВЪ ИНСАРСКОМЪ УЪЗДѢ:

Поручика Василья Губарева крестьянинъ Тимошей Гавриловъ,
Секундъ-Маіоръ Василій Ягодинской,
Жена его Татьяна Иванова,
Недоросль Князь Онисимъ Чюрмантеевъ,
Жена его Авдотья Данилова,
Артиллеріи Маіоръ Николай Нечаевъ.

Инсарской инвалидной команды Секундъ-Маіоры:

Гаврила Помеловъ,
Кирила Муратовъ,

Поручикъ Петръ Долговъ,
 Частной Смотритель, Капитанъ Князь Максимъ Чюрмантеевъ,
 Помѣщицы Елисаветы Шепелевой приказчикъ Андрей Кар-
 повъ,

Коллежской Ассесоръ Иванъ Кожинъ,
 Жена его Татьяна Сергѣева.

Дочери ихъ, дѣвицы: Аграфена,
 Авдотья,

Варвара;

Мать его Кожина, Авдотья Николаева;

Премьеръ-Маіоръ Семень Мерзлятьевъ,

Жена его Анна Петрова;

Управитель, Прапорщикъ Перфілій Унковской,

Подполковника Дмитрія Чуфаровскаго приказчикъ Яковъ
 Никифоровъ,

Жена его Аѣимья Матвѣева,

Поручика Андрея Мневскаго жена Катерина Михайлова,

Отставной солдатъ Павелъ Енолеевъ,

Поручикъ Ермолаевъ,

Дворянинъ Веденяпинъ,

Помѣщица Мещеринова.

Въ Шацкомъ уездѣ убиты до смерти:

Попъ Осипъ,
 Діаконъ Василій,
 Дьячекъ,
 Понамарь Михайла,
 Прапорщица Анна Мальцова,
 Помѣщица Александра Ханькова,
 Приказчикъ Фома Никифоровъ,
 Питейныхъ сборовъ служитель, однодворецъ Игнатъ Бѣлозер-
 цовъ,

Поручикъ Яковъ Огалинъ съ сыномъ Львомъ,
 Помѣщицы Княгини Дашковой приказчикъ Тимофей Ѳеодоровъ,
 Питейныхъ сборовъ служитель, Кунгурской купецъ Яковъ Носковъ,
 Одноворческіе дѣти: Степанъ и Петръ Подьяпольскіе,
 Генераль-Маіора Никиты Смирнова приказчикъ Иванъ Петровъ, жена его Улита Иванова,
 Титулярной Совѣтницы Анны Поспиковой приказчикъ Андрей Родіоновъ,
 Цѣловальникъ одинъ,
 Помѣщика Николая Кольчева приказчикъ Михайла Андреевъ съ женою,
 Помѣщица вдова Татьяна Пятова,
 Помѣщица Агаѣя Якутина,
 Корнетъ Евстратъ Евсюковъ.
 Писчики: Иванъ Кучуровъ, Степанъ Дивеевъ,
 Помѣщика Кольцова-Масальскаго приказчикъ Восковъ,
 Подполковникъ Осипъ Кузмищевъ,
 Одноворецъ Матвѣй Тверитиновъ.
 Поручики: Филиппъ Тенишевъ, Николай Реткинъ,
 Вахмистръ Козма Марковъ,
 Помѣщика Александра Васильчикова приказчикъ,
 Полковника Василья Измайлова приказчикъ Семень Мартыновъ,
 Полковника Князь Александра Большаго - Черкаскаго сотской Степанъ Ѳеодоровъ.

Въ городъ Темниковъ убиты до смерти:

Питейныхъ сборовъ повѣренно Яковъ Кленовъ,
 Поручица вдова Прасковья Ребинина,

Капитанъ Дмитрій Кочеевъ,
 Подпоручикъ Князь Михайла Мансыревъ,
 Прапорщикъ Николай Ермоловъ,
 Гвардіи капраль, Князь Илья Еникеевъ, жена его Матрена
 Давыдова,
 Гвардіи капраль, Князь Василій Девлеткильдеевъ,
 Капитана Александра Мошкова приказчикъ Терентій Ивановъ,
 Татаринъ Аися Халеевъ.

В ъ Т а м б о в с к о м ъ у ѡ з д ѣ у б и т ы д о с м е р т и :

Поручика Аѳанасья Сатина приказчикъ,
 Изъ дворянъ отставной ротный Квартирмистръ Максимъ Да-
 ськинъ,
 Изъ однодворцевъ отставной капраль Василій Мишинъ,
 Надворнаго Совѣтника Ивана Мосолова крестьянинъ Семень
 Бирюковъ.

В ъ г о р о д ѣ Н и ж н е м ѣ - Л о м о в ѣ у б и т ы д о с м е р т и :

Священникъ Иванъ Ивановъ,
 Поручикъ Петръ Анучинъ,
 Секундъ-Маіоръ Степанъ Евсюковъ,
 Капитанъ Яковъ Калмыковъ,
 Поручикъ Иванъ Симаковъ,
 Прапорщикъ Тихонъ Масловъ,
 Прапорщикъ Василій Клишовъ,
 Маіоръ Иванъ Соколовъ.

В ъ у ѡ з д ѣ :

Секретарь Никита Григорьевъ сынъ Подгорновъ, жена его
 Ирина Степанова,
 Своха его, Авдотья Петрова,

Прапорщикъ Иванъ Слѣпцовъ, жена его Акулина Алексѣева,
Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, жена его Аграфена Сер-
гѣева,

Капитанъ Лаврентій Слѣпцовъ,
Каптенармусъ Федоръ Слѣпцовъ, жена его Марья Степа-
нова,

Прапорщикъ Василій Лепуновъ,
Сержантъ Александръ Микешинъ, жена его Анна Андреева,
Князь Михайла Мансыревъ,
Прапорщикъ Петръ Скорятинъ,
Капитанъ Князь Семень Мамлѣвъ,
Прапорщикъ Князь Спиридонъ Мамлѣвъ,
Поручикъ Князь Михайла Ишеевъ,
Прапорщика Василья Гедеева жена Анна Филатьева,
Поручица Авдотья Малахова,
Поручица Евгенія Исаева,
Подпрапорщикъ Иванъ Малаховъ, жена его Марья Михайло-
ва, дочь дѣвица Агаѣя,

Князь Василій Петровъ сынъ Кугушевъ,
Маіоръ Федоръ Никифоровъ,
Надворный Совѣтникъ Василій Иванчинъ, жена его Авдотья
Родионова,

Сынъ ихъ Поручикъ Акимъ Иванчинъ, жена его Ирина Фе-
дорова,

Протоколистъ Михайла Дедекинъ.

Въ городѣ Верхнемъ-Ломовѣ убиты до смерти:

Премьеръ-Маіоръ Иванъ Болоцкой.
Капитаны: Иванъ Степановъ, Иванъ Дьяконовъ;
Подпоручикъ Никита Суколеновъ,
Поручикъ Неведъ Евлаховъ,
Солдатъ Федоръ Лепилинъ,

Изъ дворянъ канцеляристъ Михайла Смирновъ, жена его
Аѳимья Иванова,

Воеводскаго Товарища Нетецкаго дворовой челоѣкъ Дмит-
рій Никитинъ,

Воеводскоѣ Товарищъ, Титулярной Совѣтникъ Петръ Нетец-
кой,

Дворянская жена вдова Ульяна Сурина,

Надворной Совѣтникъ Никифоръ Хомяковъ,

Подпоручикъ Капитанъ Вышеславцовъ,

Помѣщика Василья Титова, приказчикова жена Ульяна Коз-
мина,

Надворной Совѣтникъ Иванъ Богдановъ, жена его Наталья
Иванова,

Прапорщикъ Еѳимъ Юматовъ, жена его Ирина Леонтьева,

Дочь ихъ малолѣтная Марья,

Прапорщикъ Пантелеѣ Трунинъ, жена его Прасковья Еѳи-
мова,

Поручикъ Фѣдоръ Мосоловъ,

Фурьеръ Иванъ Мещериновъ,

Канцеляристъ Никифоръ Смирновъ,

Секундъ - Маіора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Ива-
нова,

Вахмистръ Максимъ Хомяковъ,

Дворянинъ Петръ Веденяпинъ,

Сынъ его, Поручикъ Кондратій,

Помѣщика Матвѣя Дубасова крестьянинъ Спиридонъ Ано-
рѣвъ,

Капитанша Анна Болкошина,

Инвалидной солдатъ Лукіанъ Курочкинъ,

Корнетъ Иванъ Мещериновъ,

Прапорщикъ Артамонъ Шмаковъ,

Поручика Константина Веденяпина жена Пелагья Леонтьева,

Подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексѣева;
 Маіоръ Иванъ Григоровъ,
 Племянница его Авдотья Иванова,
 Экономической Казначей, Поручикъ Андрей Молчановъ,
 Подпоручика Алексѣя Вышеславцова жена Матрена Иванова,
 Прапорщикъ Григорій Евсюковъ,
 Прапорщика Пантелея Трунина крестьянинъ, а какъ зовутъ,
 неизвѣстно,

Помѣщика Языкова приказчикъ Егоръ Григорьевъ,
 Вдова Поручица Татьяна Врацкая,
 Татаринъ Бикмай Дубинъ,
 Незнаемой офицеръ,
 Помѣщица Авдотья Волженская,
 Подпоручикъ Василій Вышеславцовъ,
 Поручика Фоки Исаева жена Евгенія Андреева,
 Генералъ-Поручика и Кавалера Амлея Шепелева служитель
 Иванъ Улановъ.

САМАРСКОЙ ДИСТАНЦИИ, ВЪ БОРСКОЙ КРѢПОСТИ, УБИТЫ ДО
 СМЕРТИ:

Переводчикъ Араповъ,
 Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
 Хилковскихъ крестьянъ два человека,
 Отставныхъ конной гвардіи два,
 Тайнаго Совѣтника Обухова крестьянъ два.

ВЪ ГОРОДѢ САРАТОВѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Отставной Прапорщикъ Артамонъ Шахматовъ,
 Полевой Артиллеріи сержантъ Павелъ Шахматовъ,
 Отставной Прапорщикъ Козма Рахманиновъ,
 Поручика Матвѣя Селезнева жена вдова Марья Иванова,
 Отставной Прапорщикъ Алексѣй Протопоповъ,

Отставной Прапорщикъ Аванасій Толпыгинъ,
 Изъ дворянъ Коллежскій Регистраторъ Иванъ Аврамовъ,
 Жена его Ирина Иванова,
 Бывшаго Саратовскаго Коменданта Томаса Юнгера жена
 вдова Шарлотта Крестьянова,
 Корнетъ Гаврила Болотинъ,
 Жена его Оекла Алексѣева;
 Дети: Федоръ,
 Григорій,
 Дочь Степанида,
 Теща того Болотина, Марѳа Ильина;
 Дворянина Алексѣя Болотина жена Авдотья Степанова.
 Дети: Сынъ Никифоръ,
 Дочери: Меланья, Марѳа;
 Дворянинъ Степанъ Родіоновъ,
 Отставной Прапорщикъ Михайла Ахматовъ,
 Дворянинъ Яковъ Болотинъ,
 Отставной Прапорщикъ Григорій Автамоновъ сынъ Быковъ.

Саратовскаго Баталіона Секундъ-Маіоры.

Петръ Астафѣвъ,
 Иванъ Мосоловъ.

Капитаны:

Семень Агишевъ,
 Василій Портновъ,
 Андрей Мамаговъ,
 Алексѣй Тагаевъ,

Поручики:

Иванъ Пироговъ,
 Михайла Меренковъ.

Прапорщики:

Иванъ Улановъ,

Евдокимъ Портновъ,
 Лекаръ Юганъ Рамеловъ,
 Бывшій въ городѣ Петровскѣ Смотритель надъ межевщиками
 Коллежской Ассесоръ Борисъ Наикунъ.

Команды его: Подпоручикъ Ѳедоръ Спичарновъ,
 Прапорщикъ Петръ Скуратовъ,
 Корнетъ Петръ Калмыковъ.

Вѣдомства Конторы Опекунства Иностраннѣхъ:

Поручики: Михайла Ермолаевъ съ женою,
 Иванъ Широковъ съ женою,
 Прапорщикъ Иванъ Ушаковъ,
 Протоколистъ Иванъ Образцовъ,
 Регистраторъ Иванъ Виншъ,
 Аптекарь Иванъ Аменде.

Артиллерійскаго перваго фузелернаго полку:

Капитанъ Князь Андрей Баратаевъ,
 Поручикъ Михайла Будановъ,
 Подпоручикъ Василій Хотяинцовъ,
 Штыкъ-юнкеръ Адрианъ Ѳедоровъ,
 Лекаръ Семень Рудзевичъ.

**Въ городѣ Дмитріевскѣ, что на Камышенкѣ, убиты
 до смерти:**

Полковникъ и Дмитріевской Комендантъ Каспаръ Мелницъ,
 Капитанъ Семень Агишевъ,
 Городовой Лекаръ Степанъ Бѣляевъ, жена его Катерина Ѳе-
 дорова, дочь, дѣвица Матрена.

Бывшіе въ Николаевской слободѣ при Солляномъ Коммисарствѣ:

Присутствующій, Титулярной Совѣтникъ Илья Башпиловъ,
 Поручикъ Сергій Богатыревъ.

Въ городѣ Царицынѣ убиты до смерти:

Легкой полевой команды Командиръ, Секундъ-Маіоръ Баронъ фонъ-Дицъ;

Капитаны:

Дмитрій Шеншинъ,
Иванъ Шиловъ;

Поручики:

Дмитрій Денисьевъ,
Александръ Рокотовъ,
Адъютантъ Семенъ Романовъ;

Прапорщики:

Александръ Палчевскій,
Илья Булашевъ,
Иванъ Буткевичъ,
Лекаръ Даніель Амбразнусъ.

Царицынскихъ баталіоновъ, перваго:

Поручикъ Иванъ Климовъ.

Втораго:

Подпоручикъ Алексѣй Книгинъ;

Въ Волскомъ войскѣ убиты до смерти:

Войсковой Старшина Григорій Поляковъ,
Депутатъ Андрей Дьячковъ,
Московского легіона Казачьей команды отставной Прапорщикъ
Иванъ Хуторсковъ.

Казакъ:

Петръ Зайченковъ,
Петръ Грековъ,
Яковъ Грековъ.

Въ Новохоперскомъ уездѣ:

Частный Смотритель Новохоперскаго баталіона, Подпоручикъ
Павель Еглевской,

Подпоручикъ Филиппъ Тенишевъ,

Однодворецъ Матвѣй Тверитиновъ,

Господь Нарышкиныхъ приказчикъ Лука Невзоровъ,

Малороссіянинъ Николай Ракитиновъ;

Означенныхъ же господь Нарышкиныхъ приказчикъ Иванъ
Евреиновъ, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

(9) См. Benjamin Bergmann's *nomadische Streifereien* и. б. в.

(10) Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ
отряженъ былъ отъ Секретной Комисіи въ Яицкой городокъ, гдѣ
и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и
благоразуміемъ.

(11) Императрица 22 Октября 1774 года писала Вольтеру:
*Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte
de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois
qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et
garotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le
Volga et le Jaick, où il avoit été chassé par les troupes envoyées
contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens
pour se ravitailler, ses compagnons excedés d'ailleurs des cruautés
qu'ils commettoient et esperant obtenir leur pardon, le livrèrent au
commandant de la forteresse du Jaick qui l'envoya à Simbirsk au
général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être
conduit à Moscou. Ammené devant le comte Panine, il avoua naï-
vement dans son interrogatoire qu'il étoit cosaque du Don, nom-
ma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un
cosaque du Don, qu'il avoit trois enfants, que dans ces troubles
il avoit épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux*

servoient dans la première armée, que lui même avoit servi, les deux premières campagnes, contre la porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que M^r. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit où il a passé n'a été épargné: il pilloît et saccageoit ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avoit offensé que moi, son raisonnement pourroit être juste et je lui pardonnerois. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses lois.

(12) Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélérat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. — (*Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 29 Декабря 1771 года.*)

(13) „Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ болотѣ.

„Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подѣ строгимъ наказомъ, чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

„Это происшествіе такъ вѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

„Въ десятый день Января тысяча семь сотъ семьдесятъ пятого года, въ восемь или девять часовъ по полуночи, пріѣхали мы на болото; на серединѣ его воздвигнуть былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вокругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фронта все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоего пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: *везуть, везуть!* Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно Секретарь Тайной Экспедиціи, за савями слѣдовали еще отрядъ конницы.

„Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ни чего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ смугль и блѣдень; глаза его сверкали; носъ имѣлъ круглловатый; волосы, помнится, черныя, и небольшую бороду клиномъ.

„Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафодъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*; и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

„При произнесеніи чтеніемъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: „Ты ли Донской казакъ Емелька Пугачевъ?“ Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: „такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.“ Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ оподвижникъ его Перфильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю (*). По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: „прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!“—При

(*) По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафодѣ одурѣлъ отъ ужаса;—можно было принять его безчувствіе за равнодушіе.

семь словъ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣ-
вать его; сорвали бѣлый баравій тулупъ; стали раздирать ру-
кава шелковаго малиноваго полукрафтанья. Тогда онъ сплеснулъ
руками, опрокинулся навзничъ, и вмигъ окровавленная голова
уже висѣла въ воздухѣ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Пер-
фильевымъ последовало то же. — (*Изъ неизданныхъ записокъ И.
И. Дмитріева.*)

(13) Подробности сей казни разительно напоминаютъ казнь
другаго Донскаго казака, свирѣпствовавшаго за сто лѣтъ передъ
Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужас-
ными успѣхами. См. *Rélation des particularités de la rebellion de
Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le
progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut
pris ce rebelle, sa sentence de mort et son execution, traduit
de l'Anglois, par C. Desmares. MDCLXXXII.* — Книга сія весь-
ма рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библіотекѣ А.
С. Норова, нынѣ принадлежащей Князю Н. И. Трубецкому.

(14) См. Приложенія I.

УКАЗАТЕЛЬ
КЪ ИСТОРИИ
ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

У К А З А Т Е Л Ъ.

	Стран.		Стран.
Авзяно-Петровскіе заводы	107.	Валленштернъ	29, 55, 65, 69.
Алатырь	144.	Варнстедъ	50, 55.
Арзамасъ	141, 144.	Веловская	27.
Аршеневскій	94, 95.	Веловскій	22, 28.
Астраханская губернія	153.	Веніаминъ	125, 128, 134.
Баннеръ	122.	Венцель	121.
Бардовскій	160.	Верхне-Озерная дистанція	24.
Башаринъ	63.	Верхне-Озерная крѣпость	61, 64.
Башкирія	95, 108.	Верхній Ломовъ	153.
Башкирцы	33, 72, 108, 109, 113, 125, 127, 149.	Верхо-Яицкая крѣпость	41, 110, 119.
Бедряга	90, 98.	Витошновъ	20.
Бердская слобода	41, 44, 64, 66, 91—93.	Волга	152.
Бибииковъ, А. И. 56—58, 70, 71, 79, 80, 84, 93, 105, 106.		Волконскій	48, 157.
Бибииковъ, Полк. 81, 83, 91, 94, 95.		Вольтеръ	74.
Бикбай	26.	Воронежская губернія	153.
Билловъ	24, 25, 27, 28, 32, 35.	Вороновъ	63.
Бирскъ	119.	Воткинскій заводъ	121.
Бородинъ, Андр., Атам.	8.	Всеволожскій	146.
Бородинъ, Мартем. 12, 25, 45, 98.		Гагринъ	80, 113, 115.
Бошнякъ	147—155.	Галаховъ	163.
Брантъ. 34, 48, 72, 119, 122, 136.		Гладковъ	70.
Бримфельдъ	8.	Голицынъ	79, 83, 89 — 91, 93, 94, 119, 122, 140, 142, 146, 158.
Бугульма	105, 122, 140.	Горшковъ	104.
Бугульчанская пристань	37.	Гриневъ	79, 81, 90.
Будоринскій форпостъ	19.	Гугниха	3.
Бутыринъ	151.	Гугня, Атаманъ	3.
Бѣлобородовъ	47, 60, 109, 110, 112, 117, 120, 139.	Гурьевъ, городокъ	158.
Бѣлорѣцкіе заводы	109, 110.	Давыдовъ	8, 60.
		Дегтеревъ	98.

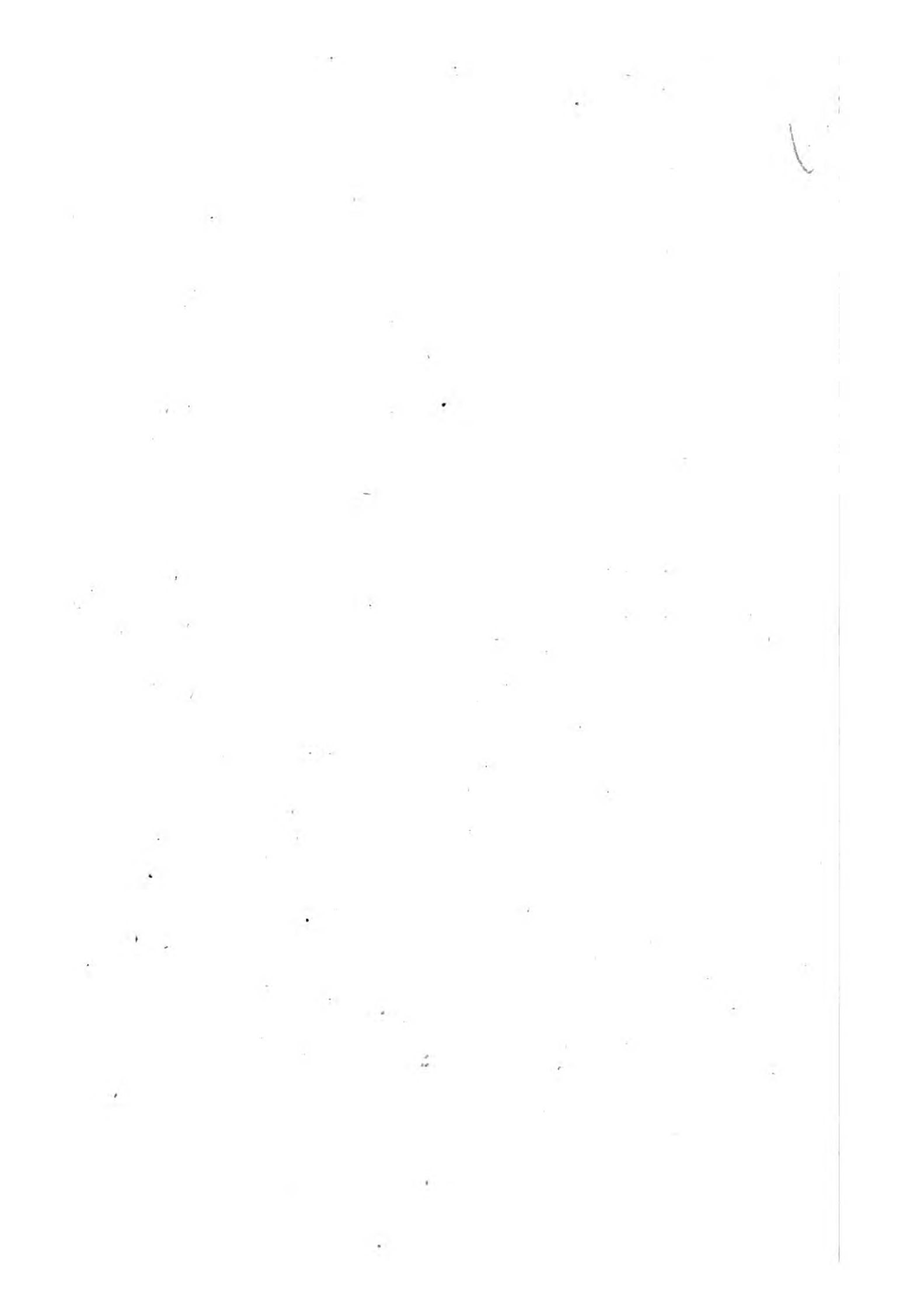
	Стр.		Стр.
Декалонгъ	60, 65, 80, 110, 111, 112, 115, 118.	Кама	129.
Демаринъ	61, 64.	Камешковъ	63.
Дербетевъ	154.	Камышенка	154.
Державинъ, Г. Р.	71, 80, 82, 106, 147—149.	Каницъ	134.
Дицъ	154.	Каргинъ	104.
Дмитріевскъ	154.	Кармицкій	46.
Дубовка	154, 155.	Карташевскій	117.
Дуве	119, 129—131.	Карташовъ	51.
Дундуковъ	154, 158.	Каръ	34, 48—52, 55.
Дурновъ	10, 11.	Керенскъ	153, 156.
Евсигнеевъ	153.	Кизилбашинъ	98.
Екатеринбургъ	73, 119.	Кизильская крѣпость	119.
Елагинъ, Маіоръ	89.	Киргизъ-Кайсаки	73, 147.
Елагинъ, Полковникъ	25—27.	Кирпичниковъ	10.
Ерёмовъ	74.	Кобяковъ	150.
Жолобовъ	113, 115.	Кожевниковъ, Мих.	17, 19.
Заевъ	61—63.	Колпаковъ	20.
Зарубинъ (онъ же и Чика), Иванъ	17—19, 47, 164, 167.	Коноваловъ	19, 20.
Захаровъ	7.	Коръ	24, 54, 64, 69.
Зелаирская крѣпость	119.	Коспорье	162.
Зимовейская станица	75.	Кочуровъ	19.
Ижевскій заводъ	121.	Красноуѣимскъ	119.
Илецкая Защита	41, 88.	Красной Яръ	158.
Илецкой городокъ	21, 28, 97, 98.	Кречетниковъ	34.
Ильинская крѣпость	60—63.	Крузе	28, 29.
Иноходцевъ	155.	Крыловъ	20, 66, 67, 85.
Инсара	153.	Кудрявцовъ	134.
Иргизъ	147.	Кузнецова, Устинья	85, 105.
Кобалеровъ	26.	Курмышъ	143, 144.
Казакъ Донскіе	2, 3.	Ларзяновъ	20.
Казакъ Яицкіе	6, 7, 43, 45, 75.	Ларионовъ	70, 79, 82, 122.
Казань	70, 119, 122, 123—135, 140.	Ловицъ	155.
Калмыки	9, 10, 72, 81, 149.	Логиновъ, Сотникъ	92.
		Логиновъ, Старшина	7.
		Лодыжинскій	147, 149.
		Лопатинъ	60.
		Лысовъ	47, 89.

	Стран.		Стран.
Мавринъ	160.	Нурали-Ханъ	22, 23.
Магнитная крѣпость	109, 110.	Обернибѣсовъ,	119, 122, 153.
Максимовичъ	161.	Обуховъ	29.
Малыковка, село	14, 80, 147.	Овзяно-Петровскій заводъ.	49, 107.
Мансуровъ	79, 81, 83, 89, 95, 98, 104, 141, 147, 158.	Овчинниковъ	47, 98, 107.
Матюнинъ	70.	Озерная крѣпость	24, 97.
Меллинъ, Графъ.	122, 136, 140, 144—146, 155, 158.	Оренбургъ	1, 29, 35, 37—42, 54, 65, 68, 69, 79, 83, 88, 93.
Мельковичъ	107.	Орская крѣпость	1, 60, 119.
Мензелинскъ	140.	Оса	119, 120, 122, 129.
Меркулевъ	7.	Падуровъ.	47, 53, 54, 65, 88, 95, 164, 167.
Мертвецовъ	81.	Панинъ, Графъ Н. И.	142.
Минеевъ	121, 125, 126, 135.	Панинъ, Графъ П. И.	142, 156, 157, 162, 168.
Михельсонъ.	83, 95—97, 108, 109, 113 — 118, 128, 129 — 136, 141, 144, 146, 152, 155 — 157.	Пенза.	146.
Мостовщиковъ	12, 66.	Переволоцкая крѣпость	90.
Мосты, деревня	161.	Пермь	73.
Муѣль	79, 80, 140, 146, 152, 155, 158.	Перфильевъ	47, 98, 107, 141, 164—167.
Мясниковъ.	17, 18.	Петровскъ	148.
Мясоедовъ	60.	Петрозаводская крѣпость.	111.
Наровчатъ	153.	Повалощвейковскій.	163.
Наумовъ	20, 24, 38 — 40, 69.	Подъячевъ	20.
Нащокинъ	34.	Поповъ	119.
Некрасовъ	16.	Портновъ	21.
Неплюевъ	7.	Потаповъ	8.
Нероновъ	12.	Потемкинъ	122, 126, 132, 136.
Нечаевъ	29.	Почиталинъ	95.
Нечай	5.	Пречистенская крѣпость.	32.
Нижегородская губернія	153.	Протопоповъ	150.
Нижне-Озерная крѣпостца.	25, 28.	Пугачева, Софья.	135.
Нижній Ломовъ	153.	Пугачевъ, Емельянъ Ивановъ.	13— 75—168.
Ново-Сергіевская крѣпость	89.	Пулавскій	138, 152.
		Пушкинъ	89.

	Стран.		Стран.
Пяльновъ, Денисъ . . .	13, 14, 46.	Сулинъ	75.
Разсыпная крѣпость . . .	22, 28, 97.	Сура, рѣка	143.
Рапневъ	20.	Суринъ	25.
Рейнсдорпъ . 21, 23, 28, 29, 38, 39, 53, 54, 64, 65, 68, 69, 92.		Сухая рѣка	132.
Родионовъ	134.	Табинскъ	97.
Романіусъ	57.	Тамбовцевъ	8, 11.
Ружевскій	53.	Татищевская крѣпость . 24, 26, 90, 91.	
Ружениковъ	20.	Твороговъ	159.
Рычковъ, Академикъ . . .	68, 163.	Тимашевъ	29, 65, 119.
Рычковъ, Полковникъ . . .	153.	Тихановскій	110.
Сакмарскій городокъ . . .	30.	Толкачевъ	66, 104.
Салаватъ . . . 108, 109, 116, 117.		Толстоваловъ	85.
Салмановъ	151.	Толстовъ	20.
Самара, крѣпость	80.	Толстой	122, 123.
Саранскъ	145.	Торновъ	59, 164, 167.
Саратовъ	146—152.	Тоцкая крѣпость	89.
Сарепта	155.	Траубенбергъ	9—11.
Сарочинская крѣпость . . .	89, 107.	Требикова деревня	96.
Саткинскій заводъ	116.	Троицкая крѣпость	111, 113.
Сенцовская слобода	94.	Троицкъ	153.
Сибирь	80.	Узени, рѣчки	147, 158, 161.
Симбирскъ	153.	Ульяновъ	60, 97.
Симоновъ . 12, 17, 20, 65 — 67, 95, 100, 101, 104, 161.		Ураковъ	51.
Симскій заводъ	116.	Уральскіе заводы	37.
Скрышцынъ	120, 121.	Уральскіе казаки	168.
Смирновъ	121.	Ураль (Яикъ), рѣка	1—3.
Станиславскій . . . 60, 61, 65, 119.		Уральскъ	168.
Старица	99.	Усихина Розашъ	19.
Старовъ-Милуковъ	29, 39.	Уфа	59, 95, 97, 119, 122.
Стенька Разинъ	4.	Узимцевъ	152.
Стерлитамацкая пристань . . .	37.	Фейерваръ	112.
Стрѣльцы	4.	Фигнеръ	26.
Ступишинъ, Губернаторъ . . .	140.	Фирска	153.
Ступишинъ, Полковникъ . 108, 110.		Фонъ-Брантъ	34.
Суворовъ, А. В. 157, 161, 162, 168.		Фрейманъ . . . 11, 35, 49, 50, 55; 81, 91, 95, 108, 118.	

	Стран.		Стран.
Харинъ	96, 97, 118, 130, 131, 133, 138, 144.	Чика (онъ же Иванъ Зару- бинъ)	17—19, 47, 59, 60, 95—97, 164, 167.
Харлова	27, 46.	Чичеринъ	34, 60.
Харловъ	25, 26, 28.	Чуваши	143.
Харчевъ	160	Чукалинъ	20.
Хвалынское (Каспійское) море .	2.	Чулошниковъ	98.
Хива	5.	Чумаковъ	47.
Хлопуша	36, 37, 47—49, 51, 60, 61, 63, 88, 92.	Шамай	5.
Хорватъ	94, 95.	Шахмаметевъ	145.
Царицынъ	130, 133, 152, 154, 155, 157.	Шевичъ	107.
Цывилъскъ	140.	Шелудяковъ	15.
Цыплетевъ	154.	Шигаевъ	47, 88, 89, 92, 95, 164, 167.
Чебышевъ	8.	Шинкинъ	50.
Челяба	118.	Щербатовъ	105, 119, 120, 122, 140, 142, 146.
Челябинскъ	110.	Юлай	108.
Чемесовъ	70.	Юрловъ	143.
Чербакульская крѣпость	114, 115.	Ядринскъ	143, 144.
Череповъ	8.	Янкъ (Ураль), рѣка	1—3.
Черкасскъ	75.	Янцкіе казаки	6, 7, 43, 45, 75, 168.
Чернорѣченская крѣпостца	28, 29.	Яицкое войско	7.
Черный Яръ, Черноярскъ	155, 158.	Яицкой городокъ	8, 13, 19, 65, 84, 98 — 104, 140, 159, 168.
Чернышевъ, Графъ	9, 49, 153.	Якубовичъ	119.
Чернышевъ, Полковникъ	49, 52 — 54.		
Чертороговъ	20.		
Чесноковка, село	60, 96.		

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Срок.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
30	7	Борчале	Баргале
31	6	Атамановому	Атаманову
63	21	не сказалъ	не сказавъ
69	19	отрѣзанъ	отрѣзаннымъ

КАРТА ПСИШКИ
КЪ ИСТОРИИ
ПУГАЧЕВСКАГО БУШТА.

RECORDED IN 1912

RECORDS

OF THE

П О Я С Н Е Н І Е.

1) Карта Губерній Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской (до 1775 года).

2) Печать Пугачева. (*Большая Государственная Печать Петра Третьяго, Императора і Самодержца Всероссийскаго 1774*).

3) Снимокъ съ начертаній, сдѣланныхъ рукою безграмотнаго Пугачева.

4) Подпись подъ Указами Самозванца.

5) Снимокъ съ подписей Бранта, Рейнсдорпа, Кара, Бибикова, Щербатова, Князя Голицына, Михельсона и Бошняка.

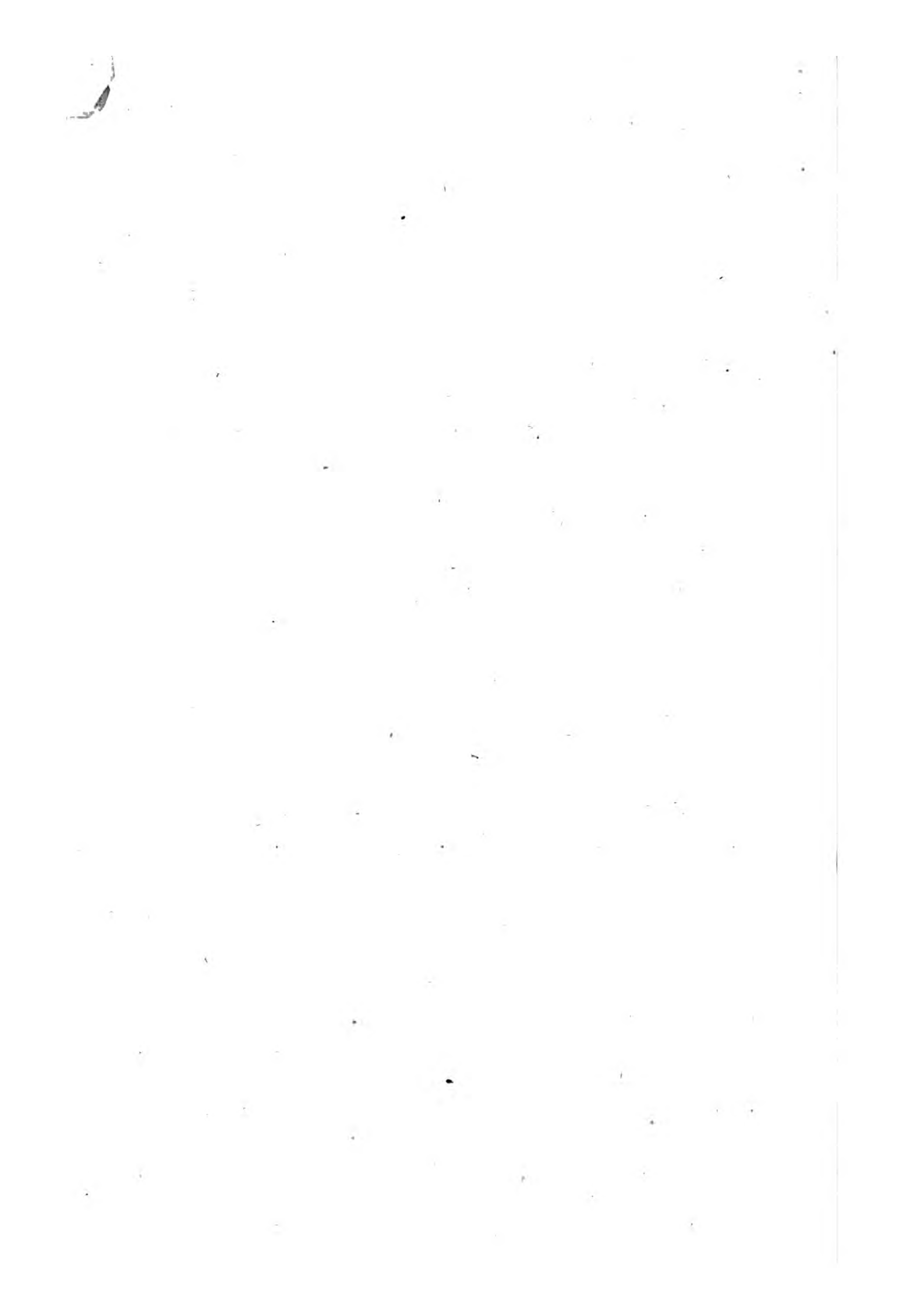
NO. 10. 1871

Handwritten signature or initials.

Handwritten text consisting of a series of vertical strokes.

Handwritten signature or initials.

Handwritten text consisting of a series of vertical strokes.

Гусь always P. Phung - da

постепенно + баша
Катманштадт, Ташкент

Бет

Великий Поезд от Ташкента
первый - возвращаю

Wm. L. Phelps's Library

Wm. L. Phelps's Library
Wm. L. Phelps's

Wm. L. Phelps's Library
Wm. L. Phelps's

Гансманъ Со Франк

Горю скупому
Д. П.

Горю скупому
Воскупленъ Гору

68691674

225

(28)

**ИСТОРИЯ
ПУГАЧЕВСКАГО
БУНТА.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА

I

Presented by
Mr. V. Glasberg

